Двери восприятия

&

Рай и ад

Олдос Хаксли

©®BR

ДВЕРИ ОА ВОСПРИЯТИЕ РАЙ И АД

О работе:

В этом томе собраны два самых важных эссе Олдоса Хаксли О последствия приема галлюциногенных препаратов и психические и этические последствия этого опыт. Работа также включает в себя ряд коротких текстов о других модификаторах человеческое восприятие, раскрывающее глубокую дихотомию автора, который, ища просветления мистики, недостижимые рациональным мышлением, не скрывают своего несоответствия ограничения человеческого тела.

В книге 1954 года “Двери восприятия” английский писатель и эссеист описывает свои личный опыт с мескалином, алкалоидом, извлеченным из мексиканского кактуса, очень используется шаманами. Эксперименты, проводимые под строгим медицинским контролем, они предоставили “сакраментальное видение реальности”.

Изучение психических и этических последствий этого опыта продолжается в Рай и ад, 1956, в котором Хаксли обнаруживает, что если галлюцинации, вызванные препаратом они могут достичь мистической сферы, недоступной рациональному мышлению, они также могут вести пациента на грани самоуничтожения. Работа завершается серией небольшие очерки о других модификаторах человеческого восприятия, таких как отсутствие витамины в мозге, углекислый газ и его токсические последствия для ума.

Именно благодаря этим эссе, Что Хаксли стал своего рода гуру среди хиппи из калифорнийской контркультуры 1970-х годов, такие как рокер Джим Моррисон из группы Двери. Однако, как пишет Мануэль да Коста Пинто в своем предисловии к этому изданию, это ” медитации, написанные в сияющем свете разума, рассказы об опыте с мескалином это не приводит к немедленному присоединению к искусственным райам, а скорее к идее расширение сознания, которое не устраняет его рефлексивный элемент”.

О оцифровке этой работы:

Эта работа была оцифрована, чтобы обеспечить совершенно бесплатно выгоду о его чтении тем, кто не может его купить, или тем, кто нуждается в средствах электроника для чтения. Таким образом, продажа этой электронной книги или даже ее обмен на любую возмездие совершенно предосудительно при любых обстоятельствах. Щедрость-это знак распределения, поэтому:

Распространяйте эту книгу свободно!

” Для М. ” (Олдос Л. Хаксли)

“ДЛЯ ВСЕХ ФАУСТОВ”

Олдос Леонард Хаксли родился 26 июля 1894 года в графстве из Суррея, Англия. Его первая книга была опубликована в 1916 году, сборник поэма. Автор линии признанных интеллектуалов, в которой выделяется дед, биолог Томас Генри Хаксли, сторонник эволюционных идей Дарвина, Олдос его литературная репутация была установлена с 1921 года с новеллой Crome Yellow. Сразу же последовали блестящие сатиры (Antic Hay, 1923; бесполезные листы, из 1925; Контрапункт, 1928), в котором автор остроумно анализирует, однако неумолимые трудности современного общества.

В период, предшествующий Второй мировой войне, работа Хаксли приобретает более темный тон. Из этого периода дивный новый

мир (опубликовано в 1932 г.), осуждает дегуманизирующие аспекты научного и материального “прогресса”) и без глаз в Газе (пацифистская новелла 1936 г.), а также серия эссе.

В 1937 году, на пике славы, Хаксли покидает Европу и переезжает в Калифорнию. В тот момент, когда Запад готовился к войне, он начинает верить, что ключ к решению мировых проблем лежит в обмене разумом западный индивидуалист за “вечную мудрость” мистического характера, сосредоточенную на идее единица. На этом этапе и художественные произведения время должно остановиться, 1944 г., и остров, с 1962 года (своего рода продолжение дивный новый мир), Что касается знаменитого рассказа из его первого опыта с мескалином, двери восприятия, 1954.

Олдос Хаксли умер 22 ноября 1963 года по совпадению день в что Джон Ф. Кеннеди был убит.

Мануэль да Коста Пинто родился в Сан-Паулу в 1966 году. Журналист, редактор культового журнала, автор Альбер Камю-комплимент эссе (редакционное Ate) и организатор и переводчик антологии интеллект и эшафот и другие очерки, из Альбер Камю (Запись).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Намек Олдоса Хаксли на поэта Уильяма Блейка в названиях из двух его очерков о галлюциногенных препаратах это не должно вводить нас в заблуждение: двери восприятие (1954) и Рай и ад (1956) - это медитации, написанные в сияющем свете разума, сообщения об экспериментах с мескалином, которые не приводят к немедленному соблюдению искусственные Раи, а скорее идея расширения сознания, которая не уклоняется его отражающий элемент.

Это наблюдение является фундаментальным из - за ничтожной истории прием Хаксли в рамках, выходящих за рамки так называемой “высокой культуры” (в котором он посвятил себя как автор классических Контрапункт и храбрый новый мир). В конце 60-х композитор, певец и поэт Джим Моррисон создал в Калифорния рок-группа под названием The Doors, название которой было вдохновлено чтением из двери восприятия.

Моррисон умрет в Париже в 1971 году, вероятно, из передозировка, но ее короткая и молниеносная траектория- отмеченная не только успехом и за скандалы, распространенные во Вселенной поп-музыки, а также за поэтическая постановка, которую даже сравнивали с Рембо — в конечном итоге установит мост между дальновидной поэтикой Блейка, жертвенной эротикой концертов Двери и работы Элаксли, которые, таким образом, приобретут ауру гуру контркультуры.

Эта идентификация была воплощена в отрывке из знаменитого стихотворения в прозе ” о брак рая и ада ” - ” If the doors of perception were cleansed every thing would appear to man as it is, infinite” (“если бы двери восприятия были в чистом виде все явилось бы человеку таким, какой оно есть, бесконечным”, - говорится в переводе Иосифа Арантес издается издательством Iluminuras). И все же образ Хаксли как своего рода аристократический пророк эпохи хиппи, похоже, не может устоять перед чтением As врата восприятия и Рая и Ада. Это правда, что он сам кормил путаница при сборе названий эссе в афоризмах “проклятого” поэта, который он имитировал свои галлюцинации как словами, так и на экранах, которые они представляют библейские персонажи в апокалиптических условиях. И это также правда, что Моррисон он был верен лирике Хаксли, когда рассказывал о своем опыте с мескалином и лизергиновая кислота ритуальный характер, вдохновленный шаманизмом: в конце концов, английский писатель он выбрал мескалин для своих экспериментов именно из-за священной функции что пейот (корень, из которого извлекается наркотик) играет в религиях индейцев американский.

Дело в том, что Хаксли, кажется, никогда не ищет нас галлюциногены мистическое обращение или абсолютный разрыв с обычным миром. Не похоже, что это вызвано существенными разногласиями в отношении тюремного заключения психологические и перцептивные эмпирической реальности. В то время как Блейк был гностиком для кто “путь избытка ведет во дворец мудрости”,

Хаксли сделал излишнюю мудрость и любопытство путем во дворец из экстаза: это причина, по которой, осознавая свою недостаточность перед множеством мира, он ищет открытость для новых форм восприятия, которые являются альтернативой солипсизм (это извращение идеализма) и бихевиоризм (извращение эмпиризма). В этом смысле Олдос Хаксли- идеальный агностик.

Здесь стоит сделать небольшой обход, чтобы объяснить происхождение этого термина.

В конце концов, выражение “агностик” было буквально придумано дедом Олдоса-о выдающийся биолог Томас Генри Хаксли-во время ожесточенных споров после публикации книги Чарльза Дарвина “Происхождение видов” в 1859 году. Стойкий сторонник теории эволюции Томас Фленри обнаружил, что обязан противостоять критике креационистов (религиозных деятелей, которые прочли Писание, отстаивая идею о том, что человек был рожден Богом в его нынешней конформации), таким образом, формулируя концепцию, которая стала знаменем антидогматизма и эмансипация мысли:

Когда я достиг интеллектуальной зрелости и начал задаваться вопросом, был ли я атеистом, теист или пантеист, материалист или идеалист, христианин или вольнодумец, я понял, что чем больше я учился и размышлял, тем легче было ответить, пока, наконец, я не пришел к вывод, что это не имеет ничего общего ни с одним из этих определений, за исключением последний. Единственное, с чем согласились все эти замечательные люди, - это единственное, в чем я с ними не соглашался. Они были уверены, что у них есть они достигли определенного “гнозиса” — с большим или меньшим успехом разрешили проблема существования, в то время как я был вполне уверен в обратном и обладал достаточно сильное убеждение, что проблема неразрешима. […] Поэтому я медитировал и я придумал то, что мне кажется подходящим ярлыком: “агностик”. Я думал о нем как о наводящая на размышления противоположность “гностикам” Церковной истории, которые заявляли, что знают вещи в котором я был невежественным.

Олдос Хаксли был законным наследником просвещения и антирелигиозного этоса твой дедушка. Врата восприятия и Рая и Ада-это мирные рассказы о необыкновенный опыт и предложить автору, который не переносит на написание щели и нестабильность их внутреннего ландшафта. Мы далеки от горящего стиля Томас де Куинси или Арто-процитировать двух других писателей, которые ассоциировали наркотики до демонического состояния ума. С Хаксли мы ближе к современный скептицизм Монт Moderna Montaigne или Юма; он одинаково не доверяет тоталитаризму разума и химер нашего воображения и интересуется только последними в антропологический смысл, как

щель, через которую можно исследовать человеческую душу. Даже когда он тематизирует наркотики в художественных произведениях, английский писатель, кажется, меньше озабочен трансом, который они вызывают у отдельных персонажей, чем с его влиянием на психологический механизм масс — случай наркотиков воображаемые, поглощенные удушающей Вселенной дивный новый мир (сома, который вызывает политически обезболивающее благополучие) и в утопическом обществе романа а остров (Мокша, таблетка, которая “освобождает от плена собственного эго”). Может быть, это для это из-за отсутствия предрасположенности к фантастическому (“я и, насколько моя память я всегда мало мечтал”), который, впервые попробовав мескалин в 1953 году Хаксли открыл не новый континент, а новый посмотрите на знакомые сценарии: “никаких пейзажей, бездонных пространств, волшебства рост и метаморфоза зданий,

ничего, что напоминало бы, каким бы отдаленным это ни было, драму или притчу. Другой мир, в который меня привел мескалин, не был миром видений; он существовал на то, что я мог видеть открытыми глазами. Великая трансформация произошла в царство объективных фактов. То, что случилось с моей субъективной Вселенной, было вещью. что относительно мало имело значения”. При этом отсутствие сверхъестественных фигур, однако, это соответствует недоумению перед трансцендентным характером, который объекты приобретают начиная с изменения состояния сознания того, кто их наблюдает. Описание трансформации, которые претерпевают цветы из вазы, стула или простого куска вплетенный в восприятие человека, который проглотил наркотик, Хаксли раскрывает нам ” чудо

весь расцвет существования во всей его наготе ” и новое измерение времени, “вечное настоящее, созданное апокалипсисом в непрерывной трансформации”.

Несмотря на ссылки Хаксли на даосизм и мистиков, таких как святой Иоанн Крест или Сведенборг, это “сакраментальное видение реальности”, предоставляемое мескалин ограничивается строго естественным планом. Хаксли восхищается Штатами экстатические духи, потому что они обеспечивают примеры неприводимого характера существование-и, с этой точки зрения, аргументированное использование Хаксли Будды и Мастер Экхарт имеет удивительное сходство с чувством, что это великое имя из Рейнской мистики или японского философа Нишида

приобретают в творчестве Хайдеггера. В остальное, когда Хаксли описывает свое “наркотическое” восприятие стула как “моя деперсонализация в деиндивидуализации, которая была стулом”, - звучит фраза именно к тому различию, которое фдософ бытия и времени делает между сущим и подлинное существо (вечное вторжение было скрыто дихотомией субъект-объект и было бы вновь открыто хайдеггеровское преодоление метафизики).

К отличию Хайдеггера, однако, Хаксли считает, что оба забвения тотальности бытия, как и его противоположности-открытости сознания для вторжения события - это явление биологического мира. Для него мозг и нервная система будет “редукционным клапаном”, который избегает-через характер избирательность памяти и ограничений, налагаемых языком-пусть человек будет подавленный потоком информации, которой может подвергнуться его потенциальное “всеведение”.

Было бы анахронизмом попытаться оценить правильность этих утверждений из недавние открытия нейробиологии. Ни врата восприятия, ни небо и Ад-это научные трактаты. Хаксли цитирует нескольких исследователей своего времени, консультируется эксперты, объясняет химическое действие различных типов лекарств, защищает их добродетели и указывает на их вред — но, кажется, руководствуется прежде всего этим духом интеллектуального любопытства, сформулированного Монтеньем на заре современности. Небо и Инферно-текст, который продолжает эксперименты, о которых сообщается в двери восприятие-это картография ума, аналогия которой между возможными состояниями сознание и зоны земного шара (с их разнообразием фауны и флоры) во многом обязаны описание, сделанное в эссе Монтеня, “чудес”, с которыми сталкиваются мореплаватели на антиподах цивилизованных земель.

В “Рае и Аде” эти географические метафоры выражают ” несходство важно из отдаленных областей разума”, что наркотики позволяют прорываться. Для читатель сегодня, они также имеют этическое значение: они учат смотреть терпимо и понимание этих маленьких прозрений, которые утешают нас от мира, в котором удовольствие превращено в товар в индустрии борьбы с наркотиками и в том, что разум агитировали психофармацевтические препараты. Кстати, нынешнее распространение нормализующих препаратов — которые превращают мозг в железу и превращают существование в протокол — это делает еще более насущной необходимость трансцендентности, которую мы можем обнаружить с помощью

повсеместное распространение галлюциногенов в самых разных культурах. Как пишет Олдос Хаксли: “кажется крайне маловероятным, что человечество, вообще говоря, когда - нибудь сможете обойтись без искусственных убежищ. Большинство мужчин и женщины ведут такую многострадальную жизнь в своих низких точках и такую монотонную в своих возвышенности, настолько бедные и ограниченные, что желания побега, стремления преодолеть себя, тем не менее, в течение нескольких коротких мгновений они были и всегда были среди основных аппетитов душевный”.

МАНУЭЛЬ ДА КОСТА ПИНТО

ДВЕРИ ВОСПРИЯТИЯ

В 1886 году немецкий фармаколог Людвиг Левин опубликовал первое систематическое исследование кактуса, который после этого получит свое название. О Anhalonium lewinü был новичком в науке, хотя на самом деле он был другом с тех пор незапамятные времена для первобытных религий и для индейцев Мексики и Юго-запад США. Это было даже больше, чем друг. По словам от одного из первых испанцев, посетивших Новый Свет, ” они едят корень, к которому они называют его пейотом, и он почитается ими как Бог”.

Почему такое почитание стало очевидным, когда выдающиеся психологи, такие как и Jaensch, Havelock Ellis и Weir Mitchell, они начали свои эксперименты с мескалин — активное начало пейота. Нет сомнений, что они их прервали в какой-то момент далеко не идолопоклонство, но все это заставляет нас помещать мескалин в нечетное положение среди остальных алкалоидов. Вводится в соответствующих дозах, она он более глубоко изменяет качество восприятия, чем любой другой наркотик. расположение фармаколога, к этому в сочетании с тем фактом, что он менее токсичен, чем другие.

Исследования мескалина проводились спорадически, с тех пор Левин и Хэвлок Эллис. Химики не ограничивались выделением алкалоида; они также смогли осуществить синтез, с которым они больше не были во власти скудные и проблемные коллекции

пустынного кактуса. У алиенистов есть, они те же, использовали мескалин, стремясь таким образом достичь лучшего и более прямого понимание психических процессов своих пациентов. К сожалению, за работу на основе значительно уменьшенного количества доказательств и в пределах диапазона условий слишком узко, психологи просто наблюдали и записывали некоторые из самых потрясающие эффекты мескалина. Неврологи и физиологи пришли к некоторые выводы относительно механизма его действия на нервную систему центральный. И, по крайней мере, один воинствующий философ взял алкалоид перед светом, который мог бросить на древние и неразрешимые загадки, такие как место ума в природе и отношения между интеллектом и сознанием.

Так было до тех пор, пока два или три года назад не был отмечен факт новое, возможно, большое значение. 1 на самом деле, было много десятилетий, когда этот факт он выступал вживую перед всеми, но, несмотря на это, его никто не видел его заметил молодой английский психиатр, который в настоящее время работает в

1. В связи с этим рассмотрим: 1. Хоффер, Абрам; Осмонд, Хамфри; Смитис, Джон. “Шизофрения: новый подход”. Journal of Mental Science, 100 (418), янв. 1954. 2. Осмонд, Хамфри. “О безумии”. Саскачеван Журнал психиатрических услуг, 1 (2), Набор. 1952. 3. Смитис, Джон. “Шизофрения: а новый подход”. Журнал психических наук, 98 апреля. 1952. 4. Смитис, Джон. “The мескалин Фе-номена”. Британский журнал философии науки, 3 февраля. 1953. Многочисленные другие статьи по биохимии, фармакологии, психологии и нейрофизиологии шизофрения и эффекты мескалина находятся в стадии подготовки.

Канада осознала большое сходство существующего химического состава между мескалином и адреналином. Дальнейшие исследования показали, что лизергиновая кислота - чрезвычайно мощный сон, полученный из спорыньи-имеет сходство с этими двумя веществами, по их биохимическим характеристикам. Затем пришел к

открытие того, что адренохром, продукт распада адреналина, может вызывают многие симптомы, наблюдаемые при опьянении мескалином. И это хорошо вероятно, что адренохром является плодом проведенного разложения спонтанно в организме

человека. Это приводит нас к выводу, что каждый из нас способен производить химическое вещество, из которого, как мы знаем, могут уменьшаться дозы создание глубоких изменений в восприятии. Некоторые из этих изменений похожи на которые сопровождают эту чуму, настолько характерную для двадцатого века, что это шизофрения. Быть это психическое заболевание является результатом химического дисбаланса: 1 и будет химический дисбаланс, в свою очередь, связан с психическими страданиями, которые воздействуют на надпочечники? Это будет лихо и преждевременно утверждать. Столько, сколько мы можем сказать, что это правдоподобная гипотеза. Однако загадка заключается в том, что систематически распутывается; детективы-биохимики, психиатры и психологи - они находят себя в своей полосе.

Из-за ряда обстоятельств, которые для меня были чрезвычайно благоприятные-я оказался весной 1953 года в самом центре такого поиска. Один эти исследователи прибыли в Калифорнию, увлеченные своими исследованиями. А несмотря на семидесятилетние исследования мескалина, психологический материал, который его расположение было еще невероятно уменьшено, и он очень хотел его расширить. Я он встал на своем пути и был готов — или, скорее, решил-служить морская свинка. И вот как в одно сияющее майское утро я взял четыре дециграмма мескалин, растворенный в половине стакана воды, и сел ждать результатов.

Мы живем, действуем и реагируем друг на друга; но всегда и под любым обстоятельства, мы существуем одни. Мученики проникают на арену рука об руку; но они распятые одни. Обнявшись, влюбленные отчаянно стремятся объединить свои изолированные экстазы в одном самопревосходе; дебальде. По самой своей природе, каждый дух в своей телесной тюрьме обречен страдать и наслаждаться в одиночестве. Ощущения, чувства, представления, фантазии — все это личные вещи, а не быть через символы, и косвенно, не могут быть переданы. Мочь накапливать информацию об опыте, но не о собственном опыте. Она семья нации, каждая человеческая группа-это общество островных вселенных.

Многие из этих вселенных достаточно похожи друг на друга, чтобы разрешить между ними понимание путем дедукции или даже взаимной проекции восприятие. Таким образом, вспоминая наши собственные несчастья и унижения, мы можем соболезновать другим в аналогичных обстоятельствах; мы даже

способны мы ставим на его место (всегда, конечно, в переносном смысле). Но в некоторых случаи связь между этими вселенными неполна или даже отсутствует. Разум-это его поле, однако места, занятые безумцем и гением, настолько разные из тех, где живут обычные мужчина и женщина, которые практически не имеют смысла. контакт в индивидуальной памяти, чтобы служить основой для понимания или связей между он. Они говорят, но не понимают друг друга. Вещи и Факты, к которым относятся символы они принадлежат к сферам взаимоисключающего опыта.

Созерцание себя таким же образом, каким нас видят другие, является одним из более утешительные дары. И не в последнюю очередь это дар видеть других такими как они сами смотрят друг на друга. Но что, если эти другие принадлежат к виду иначе и жить в совершенно чужой вселенной? Таким образом, как может человек, мысленно здравомыслящий, чувствует то, что на самом деле чувствует безумное? Или на грани быть воспроизведенным в лице мечтателя, медиума или музыкального гения, такого как мы могли бы когда-нибудь посетить миры, которые для Блейка, Сведенборга или Иоганна

Себастьян Бах были их домами? И как может кто-то, кто находится в крайних пределах эктоморфизма и церебротонии, поставить себя на место другого, который занимает противоположный предел эндоморфизма и висцеротонии или (за исключением определенных ограниченных областей) разделяя чувства третьей стороны, которая находится в области мезоморфизма и от соматотонии? Для непоколебимого бихевиориста такие предложения-я полагаю — таковы лишены смысла. Но для тех, кто принимает, с теоретической точки зрения, это что на практике они знают, что это правда, то есть опыт имеет два аспекта, один внешние и другие внутренние —, представленные проблемы реальны и тем более серьезны некоторые из них совершенно неразрешимы, а другие могут быть разрешены только в исключительные обстоятельства и методы, недоступные для любого один. Поэтому я почти наверняка никогда не узнаю, что чувствуют сэр Джон Фальстаф или Джо Луис. С другой стороны, мне всегда казалось возможным, что с помощью гипноза самогипноз, систематическая медитация или действие соответствующего препарата, я мог бы изменить свое нормальное восприятие таким образом, чтобы я мог понять для себя язык провидца, медиума и даже\ мистика.

Исходя из того, что я уже читал об экспериментах с мескалином, я я заранее убедился, что препарат должен гарантировать мое поступление, меньше на несколько часов, во внутреннем мире, описанном Блейком и Э. Э.* Но то, что я ожидал, не произошло. Я считал, что стою, с закрытыми глазами, созерцая видения. многоцветных геометрических тел, анимированных архитектурных форм, покрытых драгоценные камни и сказочно красивые, пейзажи, наполненные героическими фигурами, драмы символические и вечно страстные, на пороге окончательного откровения. Но это конечно, я не принимал во внимание идиосинкразии моего ментального образования, реалии моего темперамента, воспитания и привычек.

* Литературный псевдоним Джорджа Уильяма Рассела (1867-1935), поэта и художника ирландский.

Я есть, и, насколько достигает моя память, я всегда мало мечтал. As слова, даже самые запоминающиеся, используемые поэтами, не могут произвести образы в моей голове. Не приходят ко мне навстречу гипнагогические видения на пороге сон. Когда я что-то вспоминаю, память не представляется мне как факт или жил объект. Усилием воли я могу вызвать образ не очень жил от того, что произошло накануне днем, от того, каким был Лунгарно до мостов были ли они разрушены или с дороги Бэйсуотер, когда несколько автобусов были зелеными и маленькие, запряженные старыми лошадьми со скоростью около шести километров в час. Но эти изображения будут иметь мало содержания, и они ни в коем случае не могут иметь собственную жизнь. Сохранить, для реальных объектов такое же соотношение, которое гомеровские призраки представляют с отношение к людям из плоти и крови, которые навещают их в тени. Только когда у меня есть высокая температура - это то, что мои мысленные образы обретают самостоятельную жизнь. Для тех, кто воображение плодородно, мой внутренний мир должен будет казаться странно однообразным, ограниченный и неинтересный. Это был мир-бедный мир, но мой-что я я надеялся увидеть превращение во что-то совершенно иное, чем он сам.

Изменения, которые действительно произошли в этом мире, не имели ничего революционного. Через полчаса после приема препарата я начал замечать медленный балет огней золотистый. Вскоре после этого появились внушительные красные поверхности, которые росли и становились из ярких энергетических узелков, чтобы постоянно принимать самые разнообразные формы. Когда я закрываю глаза, я сталкиваюсь с

комплексом серые структуры, из которых непрерывно прорастали бледные сферы синеватые, которые материализовались, и по мере того, как они это делали, они скользили

тихо поднимались и убегали с места происшествия. Но в какой-то момент появились лица или формы людей или животных. Никаких пейзажей, бездонных пространств, волшебного роста. и метаморфозы зданий, ничего, что напоминало бы, каким бы отдаленным это ни было, драму или притча. Другой мир, в который меня привел мескалин, не был миром видения; он существовал в том, что я мог видеть открытыми глазами. Широко трансформация происходила в сфере объективных фактов. Что случилось с моим субъективная Вселенная была вещью, которая относительно мало имела значения.

Я проглотил свое зелье в одиннадцать часов. Полтора часа спустя сидел в моем кабинете, пристально созерцая маленькую стеклянную вазу. Он содержал его всего три цветка-Роза португальская, полностью распустившаяся, с розовой венчик, в котором основание каждого лепестка имело более теплый и яркий оттенок; большая кремовая и пурпурная гвоздика; и, высокомерный в своей геральдической красоте, пурпурный бледный, Радужный цветок. По простой случайности маленький букет нарушал все правила традиционный хороший вкус. Утром, за завтраком, у меня ушибли глаза живой диссонанс. их цветов. Но это уже не было моим мнением. Я не рассматривал еще одну странное сочетание цветов; теперь он видел то, что Адам видел в день своего творение-чудо всего расцвета бытия, во всей его наготе.

- Это приятно? - кто-то спросил. (Во время этой части опыта, все разговоры были записаны, и я смог освежить память уважение к тому, что было сказано.)

- Ни приятного, ни неприятного, - ответил я. - Просто существует.

Istigkeit — “существование” - разве это не то слово, которое любил Майстер Экхарт использовать? Существование платоновской философии — с той разницей, которую, казалось, имел Платон совершена огромная, гротескная ошибка отделения существования от становления и идентификации его с математической абстракцией-идея. Он, бедный смертный, возможно, никогда не видел букет цветов, сияющий собственным

внутренним светом, почти дрожащий под подчеркивается важность возложенной на них роли; он никогда не должен был осознавать что такое большое значение розы, ириса и гвоздики было только, в том, что они представляли — эфемерность, которая, тем не менее, означала жизнь вечный, вечный погибнуть, который в то же время был чистым существовать; горстка мельчайшие и бесподобные детали, в которых каким-то невыразимым парадоксом, хотя аксиоматически, можно найти божественный источник всего сущего.

Я продолжал наблюдать за цветами, и в их живом свете я, казалось, уловил качественный эквивалент дыхания - но дыхания без возврата к отправная точка, без периодических отливов, но скорее в потоке, повторяющемся, красоты к более возвышенной красоте, от одного глубокого смысла к другому, еще большему. Такие слова, как благодать и Преображение, пришли мне в голову, и это, несомненно, было что, помимо прочего, они хотели иметь в виду. Мои глаза устремились от Розы, для гвоздики, и от этого свечения перьев до мягких завитков аметиста живой, это был Ирис. Блаженное Видение, Сат Чит Ананда-Существование-Сознание-Блаженство — впервые понял, не словами, не инсинуациями рудиментарные, смутно, но точно и полностью, что они хотели обозначить потрясающие слоги. И тогда я вспомнил отрывок, который прочитал в одном из эссе Судзуки: “что такое телесная Дхарма Будды?”. (Телесная Дхарма Будды-это другой способ обращения к разуму, особенности, пустоте, божественности.) Вопрос это было сделано в монастыре Дзен пылким и озадаченным послушником. И с жизнерадостной глупостью от одного из братьев Маркса начальник ответил ему: “изгородь на дне сада”. “Быть я мог бы спросить, - робко возразил послушник — - какой человек

вы задумали эту истину?“К этому Граучо, давая ему удар в спину с его летучая мышь, отвечает: “Лев с золотыми волосами!”.

Когда я прочитал этот диалог, я нашел его немного более или менее кучей безрассудство. Но теперь все так же ясно, как день, так же очевидно, как постулат Евклида. Нет ни малейшего сомнения в том, что телесная Дхарма Будды будьте живой изгородью в конце сада. В то же время, и с такой же уверенностью, он эти цветы, он-все, что привлекает внимание моего эго (или, скорее, моего добра-отважная деперсонализация, освобождает на мгновение от моих удушающих объятий). Так же

и книги, которые покрывают стены моего кабинета: такие , как цветы, они тоже светились, когда я смотрел на них, с более яркими цветами, с более глубокое значение. Рубиново-красные книги; изумрудные книги; книги агат, аквамарин, топаз; книги лазурита такого интенсивного цвета, такого внутренне важные, которые казались на грани выхода из книжных полок, чтобы лучше привлечь мое внимание.

- Что вы скажете о пространственных отношениях? - спросил следователь, пока я я смотрел книги.

Трудно было ответить. На самом деле перспектива стала довольно странной, и стены комнаты больше не выглядели так, как будто они встречались под прямым углом. Но они не были это действительно важные факты. Больше всего он подчеркивал, что пространственные отношения потеряли большую часть своей ценности и того, что мой разум взял контакт с внешним миром с точки зрения измерений, отличных от пространства. В нормальные ситуации глаз беспокоится о таких проблемах, как где? - К чему расстояние? - Как вы относитесь к этому?. Во время эксперимента с мескалин, невысказанные вопросы, на которые отвечает видение, имеют другой порядок. Место и расстояние перестает иметь большой интерес. Ум развивает понимание вещей в термины интенсивности существования, глубины важности, отношений внутри определенный стандарт. Я смотрел на книги, но совсем не волновался, с их положениями в пространстве. То, что он заметил, то, что он наложил сам на себя. ум, это был тот факт, что все они сияли живым светом, и что в некоторых сияние было более интенсивным, чем в других. В этот момент положение и три измерения это были вопросы соменоса. Не то чтобы понятие пространства было упразднять. Когда я встал и начал ходить, я сделал это со всей естественностью, без ошибки оценки положения объектов. Пространство все еще было там; но было потерял свое первенство. Ум больше всего заботился не о мерах и места, и да с существованием и смыслом.

И в паре с этим безразличием к пространству я приобрел еще большее пренебрежение к

время.

- Кажется, их много — это все, что я мог сказать, когда мой спрашивающий он попросил меня рассказать, какое у него представление об этом измерении.

Довольно много; но мало что мне было известно, сколько именно. Может, понятно, смотреть на мои часы; но он, я знал это, был в другой вселенной. Это мое опыт был и остается неопределенным, а также мог быть считается вечным даром, созданным апокалипсисом в непрерывном трансформация.

Из книг мой собеседник отвлек мое внимание на мебель. Посреди из комнаты был небольшой стол для пишущей машинки. Рядом с ней, на противоположной стороне. у меня был плетеный стул, а за ним письменный стол. Три части

они образовали замысловатый дизайн горизонтальных, вертикальных и наклонных — дизайн как более интересно, что это не интерпретируется с точки зрения их отношений пространство. Стол, стул и письменный стол составляли композицию, напоминающую к чему-то от брака или Хуана Гриса: натюрморт, явно связанный с объективный мир, но там, где не было глубины, ничего фотографического реализма. Я я бы осматривал свою мебель, а не утилиту, которая должна сидеть на стульях., писать на столах и на столах; не как кинооператор или научный исследователь, но как чистый эстет, единственная забота которого опоясана формы и их отношения в пределах поля зрения или границ кадра. Но в в ходе моего исследования этот чисто эстетический анализ кубист был заменен тем, что я могу просто определить как видение сакраменталы реальности: я вернулся в то состояние, в котором находился, когда размышлял цветы - к миру, где все сияло, оживлялось внутренним светом, и было бесконечным по своей важности. Таким образом, ноги этого стула — как чудесно его трубочность, как потусторонняя ее нежная полировка! Я потратил несколько минут — или это было несколько столетий? - не просто любуясь этими бамбуковыми ногами, но на самом деле быть ими или, скорее, чувствовать себя в них; или, используя, возможно, более точный язык (ибо “я” не было поставлено на карту, точно так же, как, в некоторой степени, “они” тоже это была моя деперсонализация в деиндивидуализации, которая была стулом.

Размышляя о своем опыте, я вынужден согласиться с выдающийся Кембриджский философ, доктор К. Д. Броуд, ” что нам будет хорошо рассмотреть, очень более серьезно, чем мы до сих пор делали, тип теории, установленной Бергсоном, что касается памяти и чувства восприятия. По ее словам, функции мозга и нервная система в основном является элиминативной и

непродуктивной. Каждый из нас способен помнить в любой момент все, что когда-либо происходило с нами, а также осознавать все, что происходит в любой части Вселенной. Функция мозг и нервная система это защищает нас, не давая нам быть раздавленными и сбитая с толку этой массой знаний, в основном бесполезных и без что-то, что в противном случае мы должны были бы осознать, или постоянно вспоминать и пропускать только те немногочисленные ощущения выбор, который, вероятно, будет полезен на практике".

Согласно этой теории, каждый из нас потенциально обладает всеведением. Но поскольку мы животные, нас больше всего беспокоит жизнь любой ценой. Для сделать возможным биологическое выживание, поток всеведения должен пройти через дроссель редукционного клапана это наш мозг и нервная система. Что он может протолкнуть себя через это сито, это истощенная нить знаний, которая это помогает сохранить жизнь на поверхности этой уникальной планеты. Формулировать и выражать содержание этой ограниченной мудрости человек изобрел и непрерывно совершенствует, эти системы символов с их неявной философией, которую мы называем языками. Каждый из нас в свое время является бенефициаром и жертвой языковой традиции в кто родился-бенефициар, потому что язык позволяет нам получить доступ к знаниям накопленные из опыта других людей; жертвы, потому что это приводит нас к полагать, что это ограниченное знание-единственная мудрость, которая доступна нам; и это ниспровергает наше чувство реальности, заставляя нас рассматривать это понятие как выражение правда и наши слова как реальные факты. То, что в религиозной терминологии, он получил название "этот мир" это просто Вселенная уменьшенного, выраженного знания и как что окаменело из-за ограниченности языков. Различные "другие миры", с которыми люди время от времени вступают в контакт, на самом деле они не проходят мимо других так много составляющих элементов широкой мудрости, присущей всеведению. Большинство

люди большую часть времени осознают только то, что происходит через редукционный клапан и это считается действительно реальным языком любой. Однако некоторые люди, похоже, родились с чем-то вроде отклонения что делает этот редукционный клапан недействительным. В других случаях отклонение может проявляться в характере временно, либо спонтанно, либо в результате "духовных упражнений"

добровольцы, гипноз или прием наркотиков. Но поток ощущений, которые проходит через это отклонение, будь то постоянное или временное, недостаточно для того, чтобы кто-то осознает “все, что происходит в любой точке вселенной” (поскольку байпас не разрушает редукционный клапан, он по-прежнему предотвращает его просачивание через него весь поток всеведения), хотя это позволяет пройти нечто большее — и особенно разные-чем эти утилитарные ощущения, тщательно избранные, которые узость наших умов считает полной картиной (или, в минимально, достаточно) реальности.

Мозг наделен определенным количеством ферментных систем, которые служат координировать его функционирование. Некоторые из этих ферментов направлены на регулирование потока глюкоза предназначен для питания клеток мозга. Мескалин, ингибирующий производство из этих ферментов уменьшается количество глюкозы в распоряжении органа, который имеет постоянный голод по сахару. И что происходит, когда метаболизм сахара в мозге уменьшается ли мескалин? Число наблюдаемых случаев невелико, и, следовательно, еще не мы можем дать окончательный ответ. Но что случилось с большинством из тех, кто принимал алкалоид, под контролем можно резюмировать так:

1. Способность помнить и правильно рассуждать не снижается ощутимый. (Слушающ показатели моего разговора, когда под влиянием лекарства, ничто не приводит меня к выводу, что я был более глупым, чем я при нормальных условиях.)

2. Визуальные впечатления значительно усиливаются, и глаз он восстанавливает часть невинного восприятия детства, когда чувство не было напрямую и автоматически подчиняется зачатию. Интерес к космосу снижается, и значение времени падает почти до нуля.

3. Хотя интеллект ничего не страдает и восприятие значительно увеличивается, воля переживает большую трансформацию к худшему. Человек, который ест мескалин не видит причин делать что угодно и глубоко задумывается неоправданно большинство причин, которые при нормальных обстоятельствах были бы суфийскими осознавая, чтобы мотивировать его и заставить его действовать. Они не будут беспокоить вас по простой причине

о том, что у него есть о чем подумать.

4. Эти лучшие вещи можно испытать (как это случилось со мной) там снаружи, внутри или в обоих мирах-внутреннем и внешнем, одновременно или последовательно. Что они лучше, это кажется аксиоматичным для того, кто принимает мескалин, при условии, что у вас есть здоровая печень и разум, свободный от беспокойства.

Эти эффекты мескалина представляют собой реакцию, которую можно ожидать от препарат, способный снизить эффективность редукционного клапана, которым является мозг. Когда этот орган поражен дефицитом сахара, недоедающее эго ослабевает, вы больше не можете позволить себе выполнять свои рутинные задачи и теряете всякий интерес для этих отношений времени и пространства, которые имеют такую большую ценность для организма беспокоится о жизни в этом мире. Как только всеведение преодолевает барьер клапан, начинают происходить все виды фактов, лишенных полезности биологический. В некоторых случаях могут возникать экстрасенсорные восприятия. Другие люди вы можете открыть для себя мир дальновидной красоты. У других есть откровение о

слава, бесконечная ценность и значение первобытного существования, объективный факт и не высоко ценится. На заключительном этапе деперсонализации существует “неясное представление” о том, что Все есть во всех вещах, из которых все есть, воистину, каждая вещь. Это на моем понять, чего может достичь конечный ум в “осознании всего”. это происходит в любой части Вселенной”.

В этом отношении насколько значительным является огромное расширение восприятия цвета под действием мескалина! Для некоторых животных способность различать определенные оттенки имеют большое биологическое значение. Но за пределами его спектра полезность, большинство живых существ проявляют полную нечувствительность к цветам. Таким образом, пчелы, которые потребляют почти все свое время, ” дефлорация свежих девственницы весны”, они могут различить лишь несколько цветов, согласно фон Фриш продемонстрировал это. Великое восприятие цветов, на которые способен человеческий глаз, - это биологическая роскошь-бесценно драгоценная для нас, как интеллектуальных существ и духовных, но ненужных для нашего выживания как животных. Судя по прилагательные, которые Гомер положил им в рот, герои Троянской войны зло они

превосходили пчел в их способности различать цвета. По крайней мере, под этим в этом отношении прогресс человечества был потрясающим.

Мескалин значительно оживляет восприятие всех цветов и делает пациент способен различать самые тонкие различия в оттенках, которые при нормальных условиях, они были бы совершенно незаметны. Можно сказать, что для всеведения так называемые второстепенные персонажи вещей будут главными. В отличие от Локк, она будет рассматривать цвета объектов как более важные и, поскольку, они заслуживают большего внимания, чем их массы, положения и размеры. Как это происходит с потребителями мескалина многие мистики воспринимают цвета интенсивности не только в своем внутреннем мире, но и в объективных вещах, которые вокруг них. Идентичный факт происходит с людьми, восприимчивыми к или страдающими от психоз. Есть определенные медиумы, для которых откровения, которые проявляются, для краткости периоды у людей, принимающих мескалин, являются ежедневным опытом всех часов, на долгие промежутки времени.

Теперь мы можем, после этого долгого, но незаменимого путешествия в царство теории, вернуться к этой чудесной реальности - четыре ножки стула, бамбук, в середине зал. Какие дикие нарциссы Вордсворта, они подарили мне всю удачу богатство-бесценный дар новой и прямой концепции истинного Природа вещей, а также более скромное сокровище в виде понимание, особенно в области искусства.

Роза-это роза, и не более чем роза; но эти четыре фута стул в дополнение к ножкам стула были Святой Михаил и все ангелы. Четыре или пять через несколько часов после начала опыта, когда они начали прекращать последствия инвалидности сахара в моем мозгу, они взяли меня на небольшую прогулку по городу, в которой к вечеру был включен визит к тому, что скромно считалось крупнейший в мире аптека. В задней части заведения, между игрушками, карточками из журналов поздравлений и комиксов были-как ни странно мнение-целая полка книг по искусству. Я взял первый том в пределах досягаемости руки. Он содержал работы Ван Гога, и картина, которая появилась, когда книга открылась, была Стул - тот навязчивый портрет метафизической реальности, который безумный художник он увидел это с каким-то благоговейным ужасом и попытался воспроизвести это на своем экране. Но это было задача, в которой даже сила гения оказалась совершенно бессильной. Было ясно что

стул, увиденный Ван Гогом, был, по сути, тем же, что и я. Но все же

что несравненно более реально, чем то, что позволяет понять обычное восприятие, тем не менее, стул в рамке оставался не более чем символом факта, хотя необычайно выразительно. Факт был явной особенностью; это это была просто эмблема. Эти значки являются надежными источниками знаний о Природа вещей, и такие знания могут служить для подготовки ума, который принимается к немедленным разъяснениям об этой самой природе. Но это все. В как бы выразительны они ни были, символы никогда не могут быть преобразованы в то, что представлять.

В этом отношении было бы интересно провести исследование произведений искусства, которые они привлекли внимание великих ценителей причуды. Какой тип краски восхищался бы Экхарт? Какие картины и скульптуры способствовали опыту религиозный Сан-Хуан-де-ИА-Крус, Хакуин, Хуэйнэн или Уильям Лоу? Этот вопросы выходят за рамки моих возможностей для ответа, но я убежден что большинство великих любителей причудливости мало заботились об искусстве — некоторые просто отказываются принимать это во внимание; другие довольствуются с работами, которые критические глаза классифицировали бы как произведения второго или даже десятый класс. (Для человека, чей преображенный и преображающий ум способен откройте для себя все в каждом это, классификация картины как первой или десятой категории, все еще относящейся к религиозной живописи, будет то, что для нее вызвать самое суверенное равнодушие.) Искусство, я считаю, интересует только начинающих, или те упрямые посредственности, которые решили удовлетворить себя подделка своеобразия, с символами вместо того, что они означают, с меню элегантно представлено вместо самой еды.

Я вернул Ван Гога на полку и взял следующий том. Это была книга о Боттичелли. Я пролистал его. Рождение Венеры, которая никогда не фигурировала среди моих полотен любимые; Венера и Марс, эта красота так страстно осуждается бедным Раскин, в пылу своей скучной сексуальной трагедии; удивительно богатый и замысловатый, последовала клевета Апеллеса. Наконец, я наткнулся на менее известную картину и не очень хорошо-Юдит. Мое внимание было возбуждено, и я облажался, нет бледной и

невротичной героиней или ее служанкой; не перед волосатой головой жертвы или для весеннего пейзажа, который формировал конец картины, но перед пурпурным шелком плиссированный лиф и длинные юбки, которые развевался ветер.

Это было то, что я уже видел, и в то же утро среди цветов и мебель, когда я случайно посмотрел вниз, и мой взгляд был в восторге от фиксации моих собственные скрещенные ноги. Эти складки моих штанов - какой бесконечный лабиринт символическая сложность! А текстура серой фланели - как насыщенная, глубокая и таинственно роскошной была она! И вот все это снова было в кадре Боттичелли!

Цивилизованные люди носят одежду, и, следовательно, не может быть картины, будь то он портрет, мифологическое или историческое повествование, где нет изображения складок ткань. Но, хотя это может соответствовать заслугам происхождения, мы никогда не сможем приписать к привычке одежды пышное обращение, которое одежда заслуживает как основная тема во всех изобразительных искусствах. Очевидно, что художники всегда они придавали внутреннюю ценность (или, возможно, более правильно, всегда осознавали ценности, которую она представляла для них). Тот, кто рисует или лепит одежду, рисует или вырезание форм, которые в конечном итоге не имеют внутренней символики — безусловные формы, которые исполнители, даже самые ярые приверженцы натурализм, пусть сдаются сами себе. В общем Мадонн или апостолов,

строго человеческие элементы, полностью символические, составляют около десяти процентов работы. Остаток формируется без числа цветных вариаций неисчерпаемая тема из льна и шерсти. И эти девять несимволических десятых Мадонна или апостол могут быть столь же важны, качественно, как и они в количестве. Нередко именно они задают тон всему произведению искусства, которое они устанавливают основную ноту, в которой выполняется тема, которые выражают нрав духа, темперамент, отношение художника к жизни. Безмятежность стоика проявляется гладкими поверхностями, широкими складками одежды Пьеро. Разбитый между реальностью и волей, между цинизмом и идеализмом, Бемини приспосабливается к почти карикатурное правдоподобие лиц моделируя с обширными абстракциями ткани которые являются воплощением в камне или бронзе вечных банальностей риторики - героизм, святость,

возвышенность, к которой постоянно стремится человечество, почти всегда напрасно. И еще есть тревожно висцеральные юбки и мантии Эль Греко; живые складки, искривленные, какое пламя, в которое Козимо тура обернул его персонаж. В первом традиционная духовность растворяется в анонимном анело физиологический; во втором обсуждается замученное чувство перед оговоркой и враждебность характерна для этого мира. Теперь рассмотрим работы Ватто; его мужчины и их женщины участвуют в драках, готовятся к балам, начинают, на бархатных травах и под ветустами деревьев, для Цитеры мечты всех любовники; огромная меланхолия, которая их окружает, а также острая чувствительность их создатель находит выражение, а не в действиях, взглядах или лицах персонажи, но в рельефе и фактуре их юбок из тафты, их мантий и дублетов атласный. В них нет ни дюйма гладких поверхностей; все одно клубок шелка в бесчисленные крошечные складки и морщины в непрерывном модуляция-отражение внутренней неопределенности, воспроизводимой с совершенной безопасностью мастерская рука — от тона к тону, от одного неопределимого цвета к другому. В жизни" человек кладет, а Бог располагает". В изобразительном искусстве тот, кто предлагает, является предметом; но кто это, в конечном счете, темперамент художника, и в первую очередь - по крайней мере, в портреты, историческая и описательная живопись-драпировки и гобелены, созданные кистью или через резец. Эти два элемента могут заставить галантную вечеринку заставить нас прийти слезы на глазах; пусть распятие будет иметь такую безмятежность, чтобы радовать нас душа; что сцена мучения почти невыносимо любрична; что изображение вундеркинд женской глупости (в этот момент я думаю о несравненной мадам. Moitessier, de Engres) может выражать самую строгую, самую непреклонную интеллектуальность.

Но это еще не все. Одежда, которую я теперь понимаю, намного больше, чем просто. уловки для введения форм, лишенных символизма, в картины и натуралистические скульптуры. То, что мы другие видим только под влиянием мескалина, может в любое время, быть увиденным художником, благодаря своей врожденной Конституции. Потеть восприятие не ограничивается тем, что является биологически или социально полезным. Что-то знать присущий всеведению он проходит через редукционный клапан мозга и эго и достигает своего сознание. Это дает вам представление о внутренней ценности всего, что существует. Как для художника, так и для тех, кто ест мескалин, ткань-живой иероглиф что представляет, в некотором смысле, исключительно

выразительные, непостижимые тайны существование. Даже больше, чем стул, хотя, возможно, меньше, чем эти цветы абсолютно претернатурные, складки моих серых фланелевых штанов были пропитанные существованием. Я не могу сказать, чем они обязаны своей привилегированной ситуации. Это потому, что формы, принимаемые складками тканей, такие странные и драматические, которые привлекают наш взгляд и, таким образом, производят это чудо чистого существования о внимании? Кто может это сказать? Но причина для опыта имеет меньшее значение чем она сама по себе. Глаза в юбках Юдит, в крупнейшем аптеке

мир, я узнал, что Боттичелли — и не только он, но и многие другие - он смотрел на одежду и гобелены с такими же преображенными глазами и преображенцы, которыми я обладал в то утро. Они видели Истигкейт, Вся и бесконечность складок ткани и максимально использовали ее талант изображать их на холсте или мраморе. Очевидно, что они не могли, ни в коем случае не торжествуйте, ибо великолепие и чудо чистого существования принадлежат порядок выше силы выражения даже самого возвышенного искусства. Но в юбках от Юдифа я мог ясно видеть, что, если бы я был гениальным художником, я бы сделал с мои старые серые Фланелевые штаны. Это не было бы много-знаете-небо-в сравнение с реальностью, но этого было бы достаточно, чтобы радовать поколения и поколения влюбленных искусства, чтобы заставить их понять, как бы то ни было, истинную ценность того, что, в своей жалкой глупости мы называем простые вещи и презираем их в обмен на телевизор.

- Вот как мы должны это видеть — - продолжал я говорить, глядя на свои брюки или взгляд на книги с драгоценными камнями на книжных полках и ноги мой стул нечестиво больше, чем вангогиана. - Вот как мы должны видеть вещи - такие, какие они есть! - А ремонт еще предстоит сделать. Потому что, если бы кто-нибудь увидел всегда что - то под этим аспектом, я бы никогда не захотел сделать что-то другое. Было бы только смотреть, быть только возвышенным Деиндивидуализацией цветка, книги, стула, из штанов. Этого было бы достаточно. Но в таком случае, как насчет других людей? А как насчет человеческих отношений? В записи утренней беседы я на каждом шагу находил повторение вопрос: “что вы скажете мне о человеческих отношениях?”. Как может кто-то примирить это бесконечное благословение видеть вещи такими, какими они должны быть, с обязанностями вы

должны действовать так, как вы должны, и чувствовать, что вы чувствуете? — Нужно пусть мы сможем, — ответил Я, - бесконечно рассматривать эти штаны важно, и люди

еще более бесконечно важные. - Надо! но на практике это меня это казалось невозможным. Это участие в манифесте великолепия вещей не оставляло место, так сказать, для общих, необходимых забот, с человеческой жизнью и, прежде всего, к заботам о людях. Потому что люди владеют индивидуальность и (по крайней мере, в одном отношении) в тот момент я не был собой, один раз осознавая и будучи Деиндивидуализацией вещей вокруг меня. Для эта Деиндивидуализация новорожденного, поведение, внешний вид, собственное рассуждения человека, которым он на мгновение перестал быть, как и те, кто другие люди - его товарищи до тех пор — если они не были противны ему (ибо отвращение не было среди категорий, в терминах которых я рассуждал), однако они были довольно далеки от его размышлений. Вынужденный исследователем анализировать и сообщать о том, что вы делаете (и как бы вы хотели, чтобы вас оставили наедине с Вечность в цветке, с бесконечностью в четырех ножках стула и с Абсолютом в складки из фланелевых штанов!), я проверил, что намеренно избегал взгляды тех, кто составлял мне компанию в этой комнате; что, намеренно, он старался не обращать внимания на его присутствие. И все же один из них был моим жена, а другой-мужчина, которого я считал и который мне очень нравился. Но оба они принадлежали к миру, из которого в то время мескалин забрал его у меня мир личности, измерения времени, моральных суждений и утилитарные соображения; мир — и это был тот аспект человеческой жизни, который выше все, еще хотелось забыть-мир самоутверждения, убежденности, переоценка слова и понятий боготворивший ум.

В этот момент я получил большое производство в

цвета известного автопортрета Сезанна, бюст человека, чья голова она была покрыта большой соломенной шляпой; розовая, с румяными губами, спортивная роскошные черные швейцарки и обладательница темных и недружелюбных глаз. Это отличная работа; но это не было похоже на произведение искусства, на которое я смотрел в тот момент. Ибо голова он сразу же приобрел рельеф и ожил в образе маленького человечка, который это напоминало лепрекона, смотрящего в окно, которое было страницей передо мной. Я начал смеяться. И когда меня спросили

причину, я сказал, и я продолжал повторять:

- Какая претензия! Кто он такой? - Это восклицание, я не он обращался к Сезанну, в частности, но ко всему человеческому роду. Кто думал они все были?

- Это напоминает мне Арнольда Беннета в Доломитовых Альпах — - сказал я, внезапно вспоминая сцену, которую счастливый снимок увековечил, о четыре или пять лет до его смерти, когда он нащупал ледяную тропу в Кортина д'Ампеццо. Вокруг него девственный снег; в конце концов, непреодолимое влечение красные обрывы. И вот был дорогой, приветливый, несчастный Арнольд Беннетт, переусердствовавший, сознательно играет роль любимого персонажа, воплощая его сам. Там он шел, неторопливо, под ярким Апеннинским солнцем, его пальцы были в пройма желтого жилета, которая поднималась чуть ниже, в изящном изгибе окно в стиле регентства - голова откинута назад, как будто пытаясь победить кризис заикания, под церулеальным небесным сводом. Я больше не помню, какие из них это действительно были его слова; но его осанка, его воздух и его отношение, казалось, провозглашали: "Я так же хорош, как эти горы ада!". И действительно, в некоторых отношениях он он был бесконечно выше их, но-и он хорошо знал это - не по форме согласно которому его любимый персонаж в области художественной литературы любил быть.

К счастью или несчастью (в зависимости от значения, которое придается слову) все мы мы переусердствовали, живя ролью нашего любимого персонажа. И факт почти бесконечно вряд ли это был Сезанн, он мало что стоил ему. Известный художник, с его небольшой канал для всеведения, чтобы обойти действие сформированного редукционного клапана по мозгу и фильтру эго, он был также и только эльфом великих швейцарцев и непристойный взгляд.

Чтобы отдохнуть, я вернулся к складкам брюк.

- И как только нам нужно что — то увидеть, - повторила я. И хорошо, что это могло добавил: "Это то, что нужно увидеть". Вещи без претензий, довольствуясь тем, что они просто сами по себе, соответствуют своим особенностям, а не действуя само по себе, не пытаясь безумно изолировать себя от телесной Дхармы, в дьявольский вызов Божьей благодати.

— Ближе всего к этому, - сказал Я, - будет Вермеер.

Да, Вермеер. Ибо этот таинственный художник был в три раза хорош - с видением, которое идентифицирует Дхарму-телесное с живой изгородью на заднем плане сада; с талант воспроизводить с максимальной точностью это видение в рамках ограничений навязанные человеческими способностями; с благоразумием придерживаться в своих картинах аспекты реальности более восприимчивы к воспроизведению. Хотя Вермеер изображая людей, он всегда был художником натюрмортов. Сезанн, который он говорил своим женским образцам для подражания, чтобы они старались выглядеть как яблоки, он искал нарисуйте свои портреты в том же духе. Но его девушки с яблочным воздухом они больше связаны с идеями Платона, чем с Дхармой-телесной в живой изгороди. Они являются Вечность и Бесконечность, не в песке или в цветах, а в абстракциях какого-то

вид высокой геометрии. Вермеер никогда не просил своих моделей искать похоже на яблоки. Напротив, он настаивал на том, чтобы они были как можно более женственными но всегда воздерживаясь от инфантильного поведения. Они могут сидеть или стоять, но они не должны выступать с насмешливым смехом или высокомерием, они никогда не должны молиться или вздыхать о отсутствующей любви, болтать, смотреть с завистью дети других женщин, знакомства, любовь, ненависть или работа. Если бы они сделали какие-либо эти вещи, несомненно, будут проявляться более интенсивно сами по себе; но по этой же причине они перестанут представлять свою возвышенную и существенную Обезличение. Это мнение Блейка, что двери восприятия Вермеера они были только частично чистыми. Одна панель достигла почти прозрачности идеально; остальная часть двери оставалась грязной. Существенная деперсонализация может быть прекрасно воспринимается в вещах и в живых существах, в разделителе между добром и злом. В человеке мы можем увидеть его только тогда, когда он находится в покое, с умом незатронутый, тело статично. В этих обстоятельствах Вермеер мог видеть особенность во всей своей небесной красоте — он мог видеть ее и в какой-то степени представлять ее в тонком и роскошный натюрморт. Вермеер, несомненно, величайший художник существ люди в стиле натюрморта. Но были и другие современники Вермеер во Франции, такие как братья Ле Наин. Они намеревались, я думаю, посвятить себя к описательной живописи; но то, что они действительно создали, было серией портретов, вроде натюрморт, в котором его острое восприятие бесконечной ценности всего сущего лежит настоящее, не как у

Вермеера, за тонкое обогащение цветов и текстур, но усилением света, навязчивым различием форм, в строгий, почти монохромный оттенок. В наши дни это Вюйяр, художник неисчерпаемый, с его великолепными и незабываемыми картинами Дхармы-телесного под форма буржуазной спальной комнаты; Абсолюта, поглощающего себя в огне в груди от купеческой семьи до чаепития, в загородном саду.

Ce qui fait que 1 ‘ ancien handagiste reme читает comptoir dont читает faste alléchait lês passants Cest son jardin d’Auteuil, или veufs de tout encens, Lês Zinnias ont vAIR d’être eu tôle vemie*

* 0, который заставляет старого лавочника презирать *фаустический прилавок, который привлекал покровители* это его сад Отей, где, к невосприимчивой лести, / циннии напоминают цветы лакированная консервная банка.

Для Лорана Тайяда зрелище было просто непристойным. Но если старый торговец ортопедическим материалом если бы он сидел достаточно неподвижно, Вюйяр видел бы в нем только телесную Дхарму; он написал бы среди циннии, аквариум с золотыми рыбками, мавританская башня и китайские деревенские фонари - укромный уголок Эдема с наступлением осени.

И тем временем мой вопрос остался без ответа. Как примирить это острое восприятие с Справедливой заботой о человеческих отношениях, с обязанностями а как насчет непозволительных задач, не говоря уже о действующей милосердии и благочестии? Старик спор между активами и созерцателями возобновлялся — и, я полагаю, возобновлялся, с беспрецедентным насилием. Да, до того утра я знал только созерцание в его самых скромных и найденных формах-блуждание мысль; восторженная абстракция в поэзии, живописи или музыке; пациент он ждет вдохновения, без которого даже самый прозаичный писатель не может претендовать выполнить что-нибудь; как случайные проблески природы ” чего-то гораздо большего глубоко переплетенный”, в высказывании Вордсворта; как систематическое молчание, которое иногда это приводит к понятию “неясного знания”. Но на этот раз я встретил

созерцание в своей пугливости. Да, в своей полноте, но не во всей полноте. Ибо, когда это достигается, дорога, ведущая к Марии, включает в себя дорогу Марты* и поднимает созерцание, так

сказать, своей высшей силой. Мескалин открывает нам доступ к Мария, но закрывает дверь, ведущую к марте. Это позволяет нам прийти к созерцанию, но к созерцанию, несовместимому с действием и даже с желанием действовать, с самой идеей действия. В промежутках между его откровениями, кто принимает мескалин он может чувствовать, что, хотя в некотором смысле все обладает той возвышенностью, которой оно должно обладать, с другой стороны, в этом что-то не так. Ваша проблема, по сути, даже если вы сталкиваетесь с отшельником, arfoat и, в другом плане, ландшафтный дизайнер и художник неодушевленных портретов. Мескалин никогда не сможет решить эту проблему; только для того, чтобы поставить его в неясных терминах для тех, к кому он никогда не относится представить. Полное и окончательное решение может найти только тот, кто готовы укрепить истинный Weltanschauung *через поведение адекватной и постоянной, естественной и соответствующей бдительности. Отшельник выступает против созерцательный-активный, святой, человек, который, по выражению Экхарта, готов спуститься с Седьмое небо, чтобы принести пить его больному брату. В Архат, укрываясь от мира Внешний в полностью трансцендентной нирване, противостоит Бодхисаттве****, для кто особенность и мир непредвиденных обстоятельств - одно и то же, и для кого благочестие без ограничений, каждому из этих непредвиденных обстоятельств соответствует столько же возможности не только для трансфигураторских медитаций, но и для практики более ОБЪЕКТИВная благотворительность. Во Вселенной искусства Вермеер и другие художники неодушевленные портреты мастерам китайского и японского ландшафтного дизайна, Констеблю и Тернер, Сислей, сера и Сезанн выступают против интегрального искусства Рембрандта. Это знаменитые имена, недоступные возвышения. За то, что касается меня, в этом незабываемом путешествии я мог быть благодарен только за опыт, который показал мне, более ясно, чем что я никогда не мог различить, истинная природа вызова и характер полностью освободитель ответа.

* Марфа и Мария, сестры Лазаря, цитируемые в Новом Завете, Евангелии от Святой Лука. В христианских аллегориях марта символизирует активную жизнь; Мария созерцательная.

** Арфоат-буддийский монах, достигший света; буддийский святой.

*** Weltanschauung (“мировоззрение”) - это философская

концепция Вселенная как следствие поворота событий в мире в целом.

**** Бодхисаттва-буддийский святой; тот, кто, следуя по следам Будды, в будущем воплощении он также должен стать Буддой.

Позвольте мне добавить, прежде чем отказаться от этого вопроса, что нет форма созерцания, даже самая пассивная, не имеющая своего этического содержания. Узел минимум половина всей морали отрицательна и состоит в том, чтобы избежать ошибки. Отче наш он содержит менее пятидесяти слов, и шесть из них посвящены тому, чтобы просить Бога не позвольте нам впасть в искушение. Созерцательный-пассивный перестает делать многие вещи, которые он должен был бы выполнить; но для того, чтобы позволить себе такое отношение, он должен воздерживаться от практики ряд действий, которые не должны вступать в силу. Зло, подчеркнул Паскаль, будет значительно уменьшилось, если бы мужчины научились безмятежно оставаться в своих комната. Но созерцатель, чье восприятие было прояснено, не будет нуждаться оставаться закрытым в своих покоях. Вы можете пойти на свои дела, так совершенно удовлетворен созерцанием и быть частью божественного порядка вещей, что никогда не будет соблазна предаться тому, что Трахерме назвал ” нечистыми Ухищрения мира”. Когда мы чувствуем себя единственными наследниками Вселенная, когда ” море течет по нашим венам […] и звезды-наши драгоценности”,

когда все кажется бесконечным и священным, какие у нас могут быть причины для жадность или превосходство, к жажде власти или к самым нездоровым формам удовольствия? Созерцатели не склонны брать на себя игроков, альковитов или пьяниц; как правило, они не проповедуют нетерпимость и не разжигают войны; их не ведут к воровство, обман или притеснение слабых. И к этим великим негативным добродетелям мы можем еще добавить еще один, что, хотя трудно определить, не только важно, как также положительный. Архат и безмятежный созерцатель могут не практиковать созерцание в полной мере, но все же они могут предоставить нам информацию просветляющие о другой и трансцендентной области ума. И если они практикуют это с поднимаясь, они станут каналами, через которые может возникнуть определенное влияние благотворно, из этого региона игнорирует, для мира измученных личностей, в постоянная агония из-за отсутствия этой помощи.

Тем временем я обратился по просьбе моего собеседника к портрету Сезанн за то, что происходило в моей голове, когда я закрывал глаза. И что я мог тогда наблюдение было любопытно разочаровывающим: мое поле зрения было заполнено ярко окрашенные, постоянно меняющиеся структуры, которые, казалось, были сделаны из пластика или эмалированная фольга.

- Вульгарно — - заметил я. — Обыкновенный. Как объекты в американском магазине.

Все эти безделушки существовали в скудной, забитой Вселенной.

— И как будто кто — то был, под палубой, на корабле, - воскликнул я. - Плавучий американский магазин.

И когда я наблюдал за ней, стало довольно заметно, что этот американский магазин плавающий был в некотором смысле связан с человеческими претензиями. Этот интерьер удушающий дешевый магазин был моим собственным эго; эти эффектные мобильные телефоны вульгарные, жестяные и пластиковые, были моим личным вкладом в мироздание.

Я нашел этот урок полезным, хотя мне было не менее неловко, что он меня она была дана в то время и в такой форме. Вообще говоря, кто принимает мескалин открывает внутренний мир, который так четко определен, так аксиоматически бесконечный и Священный, как тот преображенный внешний мир, который я видел из глаза открыты. Сначала мой собственный опыт был другим. Мескалин он временно наделил себя способностью видеть видения с закрытыми глазами, но не я мог — или, по крайней мере, в то время, не мог-открыть мне внутреннее видение отдаленно сравнимо с моими цветами, стулом или фланелевыми штанами “снаружи”. То, что она позволила мне осознать внутренне, не было Дхармой-телесной посредством через образы, а скорее мой собственный разум; не образец причуды, но набор символов — другими словами, самодельная замена этого Своеобразие.

Люди с богатым воображением в основном превращаются в провидцы за мескалин. Некоторые из них — и их число, возможно, намного больше, чем обычно допускаются-они не нуждаются в трансформации; они постоянно мечтатель.

Ментальный вид, к которому принадлежал Блейк, считается достаточно хорошо распределенным, даже в современных

городских индустриальных обществах. Уникальность художника-поэта он не состоит в том, что, цитируя его Descriptive Catalogue, он действительно видел “те чудесные сущности, которые Священное Писание называло херувимами”. Не он заключается в том, что ” эти замечательные люди, возникшие в моих видениях, имели, некоторые

из них сто футов высотой […] все они наполнены мифологическим и скрытным смыслом”. Находиться только в вашей способности переводить, словами или (с чуть меньшим успехом) с чертами и цветами, по крайней мере, некоторые аспекты опыта что-то необычное. О провидец, лишенный таланта, может воспринимать внутреннюю реальность не меньше изумительный, красивый и ценный, что мир, наблюдаемый Блейком, но будет отсутствовать у него полный способность выражать с помощью пластических или литературных символов это который видел.

Это прекрасно завершается в свете религиозных документов и ритуалов, а также из памятников поэзии и изобразительного искусства, дошедших до нас, которые в большинстве своем из времен и мест люди придавали большее значение своим видениям интерьеры, которые к объективным вещам, которые они знают. Они считают, что то, что они видят, когда с закрытыми глазами он имеет большее духовное значение, чем то, что видно при дневном свете. Что такое причина этого? Знакомство порождает безразличие, а проблема выживания заключается в предчувствие, которое переходит от утомительной рутины к пыткам. Это для внешнего мира, который мы открываем, глаза каждое утро, именно в нем, хорошо или плохо, мы должны стремиться жить. Во внутреннем мире нет ни работы, ни однообразия. Мы посещаем его только во сне и мечты, и их уникальность такова, что мы никогда не находим один и тот же мир в двух последовательные случаи. Что удивительно в том, что они предпочитают людей, потому что правило, заглянуть внутрь себя, в поисках возвышенного? Это действительно удается как правило, но не обязательно: не только в своей религии, как также в своем искусстве даосы и дзен-буддисты стремились выйти за рамки своих видений, к я нахожу и через пустоту, вплоть до” десяти тысяч вещей ” объективной реальности. Благодаря его учение о слове, сделанном плотью, могли бы христиане с самого начала принять подобное отношение к Вселенной, которая их окружала. Но по причине учение о первородном грехе, они

оказались в большом затруднении, чтобы сделать это. Есть только триста лет, выражение полного бегства в мир, и даже его осуждение было не только православным, но и понятным: “в природе нет ничего, что заслуживайте нашего восхищения, кроме воплощения Христа”. В XVII веке эта фраза Лаллеманта, казалось, имела смысл. Сегодня мы находим в нем ауру слабоумия.

В Китае подъем ландшафтного дизайна в категорию важного искусства произошел несколько лет назад тысячелетие; в Японии около шести веков назад; в Европе около трехсот лет назад. А отождествление божества с живой изгородью было работой этих Дзен-мастеров, которые соединили даосский натурализм с буддийским трансцендентализмом. Но только в крайнем случае Ориентируйте, что ландшафтные дизайнеры сознательно рассматривали свое искусство как религиозное произведение. На Западе Религиозная живопись состояла из изображения священных персонажей и иллюстрации священные тексты. Ландшафтные дизайнеры были на счету секуляристов. Сегодня мы признаем в сера один из высших мастеров того, что можно назвать мистическим озеленением. И, тем не менее, тот человек, который был способен больше, чем кто-либо другой, представлять нечетный во множестве был возмущен, когда кто-то похвалил его поэзию его работы. “Я ограничиваюсь применением системы”, - возразил он.

Другими словами, он считал себя практикующим pointillisme * и ничего более. Подобный отрывок рассказывает констебль: Блейк, уже в конце своей жизни, она встретила его в Хэмпстеде и изучила некоторые из его набросков. Несмотря на его презрение к натуралистическому искусству, старый провидец умел отдать ему должное, хотя он думал, что это работа Рубенса. — “Это не рисунок, - воскликнул он, - это вдохновение! На что констебль ответил бы ему очень характерно: “я сделал это чтобы это был рисунок”. Оба были правы. Это был рисунок, точный и верный, но в то же время он был вдохновением-вдохновением, по крайней мере, столь же высоким, как Блейк. Сосны в вереске действительно отождествлялись с божеством. Эскиз

это была репродукция, обязательно несовершенная, но все же профессиональная поразительно, что восприятие без писков открыло открытым глазам великий художник. Из созерцания по образцам Вордсворта и Уитмена, отождествление божества с живой изгородью и интроспективных взглядов, таких как Блейк,

из” чудесных сущностей”, современные поэты отступили к исследование того, что является личным, как противоположное более чем личному, подсознание, и для воспроизведения в очень абстрактных терминах не реальных, объективных фактов, а из простых научных и богословских понятий. Нечто подобное произошло в области живопись. В нем мы проверяем обобщенный побег из ландшафта-преобладающая форма этого искусства в XIX веке. этот побег не был достигнут для этого возвышенного внутреннего принципа — с которыми, по большей части, были связаны традиционные школы прошлого — этот образцовый мир, в котором мужчины всегда имеют в своем распоряжении эти два дела-двоюродные братья: миф и религия. Нет; то, что было, было бегством к внешнему началу, к индивидуальное подсознание, для более убогого интеллектуального мира и даже больше более тесно, чем у сознательной личности. Эти жестяные безделушки и из пластика, ярких цветов, где я их видел раньше? В любой художественной галерее где представлены последние творения нерепрезентативного искусства.

* Техника живописи неоимпрессионистской школы, основанной сера, в которой Тин ТАС наносят на белый фон, небольшими Пон ТОС, следуя строгому система.

В тот момент кто-то только что включил фонограф и вставил пластинку в блюдо. Я с удовольствием слушал музыку; но нет ничего, что могло бы сравниться с апокалиптическим видением, которое у меня были цветы и штаны. Мог бы музыкант, щедро охваченный Природа, услышать откровения, которые для меня были исключительно визуальными? Быть интересно провести такой эксперимент. Однако, хотя и не преображен, хотя сохраняя нормальное качество и интенсивность, музыка внесла немалый вклад в понимание того, что произошло со мной, и более широких проблем, чем эти события вызвали.

Инструментальная музыка, как ни странно, оставила меня довольно равнодушным. Концерт Моцарта для фортепиано с оркестром до минор был прерван после первого движение и заменено диском мадригалов Джезуальдо.

- Эти голоса, - с удовольствием сказал я, - эти голоса-своего рода мост что позволяет нам вернуться в мир людей.

И как мост продолжали, даже когда пели самые композиции среди произведений безумного принца полно хроматических вариаций. Музыка он продолжал через неправильные фразы;

мадригалов, никогда не ударяя по одной и той же клавише в двух последовательных тактах 1. В Джезуальдо-этот фантастический персонаж из

мелодрама Вебстера-психологическая дезинтеграция преувеличивала, приводила к крайние пределы тенденция, присущая модальной музыке, в отличие от полностью тонай. Следовательно, его произведения создают впечатление, что они были написаны последним Шенберг.

— И все же — я чувствовал себя вынужденным сказать, слушая этих незнакомцев продукты психоза Контрреформации, действующего на художественный стиль конца Это была средневековая эпоха — и все же, не имеет значения, что она вся в клочья. Набор это хаотично, но каждый фрагмент сам по себе упорядочен, это представление порядка Верхний. Этот высший порядок перекрывает сам распад. Сидеть единство даже в осколках. Возможно, она более чувствительна, чем в работе полностью

последовательный. По крайней мере, мы не будем погружены в чувство ложной безопасности любой чисто человеческий и искусственный импульс. Мы должны доверять нашему восприятию прямой, фундаментальный характер. Таким образом, в некоторой степени распад может иметь свои преимущество. Но несомненно, что она опасна; ужасно опасно. Предположим, мы больше не сможем вернуться, убежать от хаоса…

Из мадригалов Джезуальдо мы прыгаем в трехвековом прыжке в Альбан Берг и его “лирическая сюита”.

- Это, — предупредил я заранее, - будет ад.

Но когда началась музыка, я убедился, что ошибся. На самом деле, мелодия казалась даже веселой. Исходя из глубины моего подсознания, я получаю он умножился на многие другие тона оркестра; однако, что на самом деле меня впечатлило существенное несоответствие между психологической дезинтеграцией, возможно даже более полный, чем у Джезуальдо, и огромные ресурсы, как в таланте как и в технике, используемые в их выражении.

- Разве не кажется, что он грустит о себе? — комментировать

с насмешливым недовольством. И сразу после: - Катценмусик!, ученый Катценмусик!* - Наконец, после еще нескольких минут пыток: - кто если имеет ли значение, каковы ваши чувства? Почему он не может посвятить себя любому что-то еще?

Как критика несомненно замечательной работы, она была несправедливой и частичной, но я не думаю, что это было бы необоснованно. Я цитирую ее не только из-за ее ценности, но и из-за ее ценности. также потому, что именно так в состоянии чистого созерцания я отреагировал на ” сюиту Лирика”.

* Буквально “кошачья музыка”; немецкое выражение, используемое для определения неприятная песня.

Когда его казнь закончилась, исследователь предложил мне прогуляться по сад. Мне понравилась идея, и хотя мое тело, казалось, разделилось почти полный моего разума (или, если быть точным, хотя мое восприятие преображенный внешний мир больше не будет идти в ногу со своим собственным организм), с физиологической точки зрения я проверил, что могу встать, открыть дверь и выйти в сад с минимумом колебаний. На самом деле было странно чувствовать что я не был таким же, как эти руки и ноги снаружи; что это туловище, это шея, та самая голова. Это было странно; но вскоре мы к этому привыкли. Е, как бы то ни было, тело казалось вполне способным заботиться о себе. Na правда, именно он всегда заботится о себе. Все, что может сделать сознательное эго, это сформулируйте желания, которые затем передаются телу силами, которые он очень сильно контролирует мало и совершенно не понимает. Когда он делает что — то еще- например, когда вы слишком стараетесь, когда вам скучно или вы опасаетесь будущего —, это снижает эффективность этих сил и может даже вызвать заболевание ослабленного тела. В моем состоянии в данный момент воспринимаемость не была направлена к эго; это было, так сказать, отдайте себе. Это означало, что физиологический интеллект, который контролирует организм он также был отдан себе. В этом случае тот невротический ворчун, который в часы бодрствования стремится “направить зрелище” к счастью, он вышел из строя. Переступив дверь, я вышел в своего рода беседку, частично покрытый розовым кустом, частично планками шириной около двух сантиметров, интервалы в один сантиметр друг от друга. Солнце светило, и тень от планок он образовал светотеневое зебрадо на полу крыльца, на сиденье и спинке

садовое кресло, которое находилось рядом с домом. Этот стул! Смогу ли я когда-нибудь забыть ее? Чередование тени и света образовалось на брезенте его обивки, полосы интенсивного, но светлого Анила, за которыми следуют полосы накаливания настолько ярко, что было трудно поверить, что они не были произведены пламенем. синий. Какое-то время, которое казалось мне очень долгим, я неосознанно смотрел на нее, даже не зная об этом. я хочу знать, что это было передо мной. В другой раз любой видел бы просто стул с чередующимися полосами света и тени. Но на данный момент чувственное восприятие доминировало над идеей. Я был так поглощен созерцанием, так ошеломленный тем, что я видел, что я не мог осознавать ничего другого. Мебель, рейки, солнечный свет, тень — все это было не чем иным, как именами и понятиями; простых словесных выражений для научного или полезного использования результатов. Результат был таким последовательность небесно-голубых печных дверей, разделенных непостижимыми пропастями горечавка. Это было невероятно чудесно; возвышенности, которая касалась ужасные полосы. А потом внезапно у меня появилось смутное представление о том, что значит чувствовать сумасшедший. Шизофрения имеет свои Раи, наравне с Адами и чистилищами. Я помню, как старый друг, давно умерший, рассказал мне о болезни жена. Однажды, на ранних стадиях болезни, когда она еще наслаждалась интервалы ясности, он пошел навестить ее в больнице и сообщить ей новости о детях. Она некоторое время он слушал, а затем внезапно прервал его: как он мог проиграть время с парой отсутствующих детей, когда все, что действительно это имело значение, там и в тот момент, была невыразимая красота рисунков, которые он создавал, в ее коричневое клетчатое пальто с каждым движением рук? Несчастный! Этот рай безграничное восприятие, чистое, частичное созерцание, не продлится долго. Счастливые перерывы они становились реже, короче, пока, наконец, не исчезли навсегда; только ужас остался…

Многие из тех, кто принимает мескалин, испытывают только небесные ощущения шизофрения. Наркотик приносит чистилище или ад только тем, у кого был недавний доступ к желтухе или страдание от периодических депрессий или хронической тревоги. Если, как и с другими препаратами несравненно меньшей силы, мескалин если бы он был по общему признанию токсичным, его приема было бы достаточно, чтобы вызвать беспокойство. Но достаточно здоровый человек заранее знает, что для него алкалоид будет совершенно безобидным, и его действие

прекратится после восьми или десяти часов, не оставляя неприятных ощущений или, следовательно, тяги к новым доза. Укрепленный этим убеждением, он может без страха предаться опыту - другими словами, без какой-либо предрасположенности к преобразованию эссе из беспрецедентная уникальность, нечеловеческая, в чем-то ужасающем, действительно дьявольский.

Перед стулом, который выглядел как Судный день — или, если быть точным, перед Страшным Судом, который после долгого времени и со значительным трудом мог признавая, что я стул — я чувствовал, от часа к часу, на пороге от паники. Это, как я внезапно понял, зашло очень далеко. Слишком далеко, даже несмотря на то, что он шел к Всегда большей красоте, к все большему и большему чувству. глубокий. Страх, анализируя его ретроспективно, заключался в том, что я был раздавлен, дезинтегрированный под давлением реальности, намного превосходящей то, что разум, привыкли жить большую часть времени в комфортном мире символов, может быть, я мог бы вынести это. В литературе, посвященной религиозному опыту, имеются многочисленные ссылки на страдания и ужасы, которые сокрушают тех, кто сталкивается, слишком быстро, лицо лицо с любым проявлением Mysterium Tremendum. На Богословском языке, этот страх является функцией несоответствия между эгоизмом человека и божественной чистотой;

между самонадеянной мелочностью человека и бесконечным Богом. Согласно богеме и Уильям Лоу, Мы можем сказать, что Божественный Свет во всей его интенсивности может быть только воспринимается грешными душами в виде пламени чистилища. Учение практически идентична та, что изложена в Тибетской книге мертвых, согласно которой душа, которая презрега мучительно убегает от безмятежного Света Пустоты и даже от менее ярких огней интенсивно, стремительно бросаясь в утешительную тьму личности., превращаясь в новорожденного, превращаясь даже в животное, в несчастного призрак или идти в ад. Ты предпочитаешь что-нибудь огненному сиянию. неумолимая реальность-что угодно!

Шизофреник-это душа, не только нечистая, но и отчаянно ей не нравится ее положение. Его мучения заключаются в неспособности защитить себя против реальности, будь то внутренняя или внешняя (как это обычно делает человек в здравом уме) укрывшись во Вселенной здравого смысла, мы сами

построили-этот мир сугубо человеческими понятиями, символами, разделяемыми другими, социально приемлемые условности. Шизофреник-какой человек под влиянием не в состоянии не испытать реальность, которую он он не может терпеть, потому что ему не хватает чистоты; который не может истолковать, потому что он самый он был непреклонен в фундаментальных фактах и никогда не позволял ему смотреть на мир с просто человеческие глаза заставляют его интерпретировать его непрекращающиеся особенности, его страстная интенсивность ценностей, таких как проявление человеческого зла или даже космический, ведущий вас к самым отчаянным контрмерам, начиная от убийственного насилия, с одной стороны шкалы даже кататония — или психологическое самоубийство — с другой. И однажды начав спуск по адской рампе, никто больше не сможет остановиться. Это, в момент, это было слишком очевидно для меня.

- Кто пойдет по неверному пути — - сказал я в ответ на вопросы от моего дознавателя-он найдет во всем, что случится, доказательство заговора который высказывается против вас. Все будет служить подтверждением. Само дыхание будет являясь частью зловещего плана.

- Как вы думаете, с чем вы знаете, где находится безумие? Мой ответ это было убежденное и глубокое “да”.

- И вы не могли ее контролировать?

- Нет; я не мог этого сделать. Кто начинает со страха и ненависти, как главные предпосылки, вам придется идти до конца.

— Сможете ли вы,-спросила моя жена, — сосредоточить свое внимание в том, что тибетская Книга мертвых называет безмятежным светом?

Я сомневался.

- Сможет ли она удержать зло в страхе, если ты сможешь встретиться с ней лицом к лицу? — она настаивала. - Или ты не мог ее пристегнуть?

Некоторое время я думал, что смогу ответить, и в конце концов сказал:

- Может быть, я смогу это сделать. Но только если бы там был кто-то, кто мог бы просветить меня относительно безмятежного

света. Это невозможно сделать наедине. Отсюда и причина, я считаю, что для тибетского ритуала — сидеть рядом с кем-то на протяжении всего время, чтобы сказать, что происходит.

Послушав запись этой части опыта, я взял свой экземпляр из перевода тибетской Книги мертвых Эванс-Венц и открыл ее наугад: “О ты, кто

ты родился благородным! Не позволяй своему разуму отвлекаться”. Это была проблема: остаться, не отвлекаясь. Не отвлекаясь на воспоминания о прошлых грехах; воспоминание о удовольствиях, горькое воспоминание о старых ошибках и унижениях; перед всеми страхи, ненависть и тревоги, которые обычно затмевают свет. Что эти монахи буддисты поступали с мертвыми, а умирающие - с безумными. Moderna психиатр? Пусть будет голос, чтобы заверить их в часы и даже во время сна, что, несмотря на все ужасы, все недоумение и растерянность, фундаментальная реальность остается неизменной и идентичной, в его субстанция, к внутреннему свету, даже к самой жестоко истерзанной душе. Посредством устройства, такие как регистраторы, часы управления схемами, высокие системы-говорящие, в том числе распределенные по подушкам, было бы легко заставить интернированные, даже в домах престарелых с низким укомплектованием персоналом, были постоянно внушают об этом первостепенном факте. Может быть, некоторые из этих заблудших душ таким образом, можно было бы помочь в получении определенного контроля над вселенной, где они были обречены жить, и это, в одно чудесное и ужасающее время, тем не менее, постоянно нечеловеческий, всегда совершенно непонятный.

Некоторое время спустя я был отстранен от тревожного великолепия моего кресла сад. Падая в зеленые притчи с вершины живой изгороди, листва плюща лузия с стеклянный блеск, напоминающий нефрит. Вскоре после этого появился цветущий куст внезапно в моем поле зрения. У его красных цветов было так много жизни, что они выглядели так, будто заговорили, лицом вверх, к голубому небу. Как стул под беседкой они слишком привлекали мое внимание. Я отвел взгляд на листья и обнаружил замысловатый капризный из самых нежных огней и теней в зеленом, таинственно пульсирует.

Розы:

The flowers are easy to paint,

The leaves difficult. *

Хайку Шики (который я цитирую В переводе Ф. Х. Блита) выражает, так непрямой, именно то, что я тогда чувствовал-чрезмерная, слишком явная красота цветы, контрастирующие с тончайшим чудом своей листвы.

Выходим на улицу. Большой светло-голубой автомобиль был припаркован рядом с тротуар. Увидев его, меня внезапно охватила огромная радость. Какое удовольствие, какое абсурдное удовлетворение собой исходило от этих выпуклых поверхностей самого светящийся лак! Человек создал его по своему собственному образу (или, скорее, по изображение вашего любимого персонажа в мире фантастики). Смеется, пока слезы не катятся.- мне по щекам.

* Розы: *легко красить их цветы,* трудно листья.

Мы возвращаемся домой. Стол был накрыт. Кто-то, кто еще не был отождествленный с моим эго, он ел с пожирающим аппетитом. Издалека и не раскрывая большой интерес, я наблюдал за ним.

После еды мы садимся в машину и отправляемся на прогулку. Эффекты мескалин уже рассеивался; но цветы садов все еще вибрировали на пороге из Сверхъестественного, перцовые и рожковые деревья, вдоль боковых аллей, все еще очевидно, они принадлежали священной роще. Эдем чередовался с Додоной*, Иггдрасиль**, с мистической Розой. И вот, мы резко остановились на перекрестке, ждем нашей очереди, чтобы пересечь Бульвар Сансет. Перед нами проходили

автомобили в ровном потоке-тысячи из них, все блестящие и отполированные какой мечта рекламодателя, каждый из них более смешной, чем предыдущий. Еще раз я впал в судорожный смех. Наконец, Красное море движения осталось позади, и мы прошли пробираясь через новый оазис деревьев, газонов и роз.

Через несколько минут мы достигли кульминации высот, которые они доминируют над городом, и мы можем наблюдать, как он распространяется под нами. Это было с разочарование, которое я обнаружил, похоже на то, что она на данный момент точно такая

же, как город что я видел оттуда в других случаях. Для меня преображение было обратным пропорционально расстоянию-чем ближе, тем более возвышенно отличается я похоже на вещи. Не было почти никакой разницы по сравнению с этим обширным и запутанным панорама.

* Додона-храм знаменитого оракула Зевса в Эпире. Зевс Додона он был материализован священным дубом, чей ропот листвы интерпретировался священником.

** Иггдрасиль-гигантский Ясень из скандинавской мифологии, символизирующий Вселенная.

Мы пошли дальше, и пока мы стояли на возвышенностях, мы были декортинированы, один за другим далекие панорамы, которые по этой же причине не представлялись отличается от нормального уровня восприятия, который значительно ниже точки преображение. Заклинание возобновилось, когда мы спустились к окрестностям новый, скользящий между двумя рядами домов. И, несмотря на пресловутый плохой вкус архитектура, было повторение этих трансцендентных разнообразий, отражений рая я беру интервью в то утро. Кирпичные дымоходы и сложные зеленые крыши сияли в свете солнца какие фрагменты нового Иерусалима. И вдруг я увидел то, что Гварди поворачивается и (с какой несравненной добродетелью!) так часто знал перенос на ваши экраны-стена из штукатурки, пересекаемая риском тень; голая, но невероятно красивая; пустая, но беременная всем смыслом и всем тайна существования. В течение доли секунды, еще раз откровение он ускользнул. Автомобиль продолжал движение, и время обнаружило еще один проявление вечной особенности. “Внутри сходства есть разница. Но нет Будда совершенно намерен, чтобы разница была разнообразна от сходства. Они хотят, чтобы была как целостность, так и дифференциация.“Так, например, это комок белой и красной герани полностью отличается от этой лепной стены который остался на сто метров позади. Но существование обоих идентично, это то же самое и вечная сущность его скоротечности. Час спустя, с еще пятнадцатью километры маршрута и посещение крупнейшего в мире аптеки далеко позади, мы вернулись домой, уже сделав это утешительное состояние, хотя глубоко неудовлетворительный, известный как”быть в здравом уме”.

Кажется крайне маловероятным, что человечество, вообще говоря, день сможет пройти без искусственных Раев. Большинство

мужчин и женщин принимают жизнь, такая страдающая в своих низких точках и такая скучная в своих возвышениях, такая бедные и ограниченные, что желания побега, стремления преодолеть себя, все еще для некоторых краткие моменты, они всегда были и были среди главных аппетитов души. Искусство и религия, карнавалы и сатумаи, танец и оценка ораторского искусства-все это имеет служил, по фразе Герберта Уэллса, от дверей в стене. И Ха индивидуальная жизнь, для использования каждый день всегда были пьянящие наркотики. Все растительные седативные и наркотические средства, все эйфории, полученные из растений, все оцепенения, которые извлекаются из плодов или корни, все без исключения известны и систематически

нанятые людьми с незапамятных времен. И к этим модификаторам Moderna Science добавила свою долю синтетических продуктов - хлорал, бензедрин, бромиды и барбитураты.

Большая часть этих веществ в настоящее время не может быть приобретена, кроме по рецепту врача или незаконно и с серьезными рисками. Запад только позволяет неограниченной пользе дыма и алкоголя. Все остальные химические порты в стены помечены как наркотические средства, а их нелегальные потребители зависимы.

В наши дни мы тратим гораздо больше на сигареты и напитки, чем на образование. Е в этом нет ничего удивительного. Стремление убежать от себя и от того, что окружение присутствует в каждом из нас, почти все время. Стимул что-то делать дети сильны только в родителях, и даже в них, так-только в течение нескольких лет школьной жизни их fdhos. Точно так же нас не удивляет общее отношение к отношение к курению и выпивке.

Несмотря на постоянно растущие легионы заядлых алкоголиков, сотни тысяч людей, которые ежегодно искалечены или убиты водителями в состоянии алкогольного опьянения популярные юмористы до сих пор разыгрывают шутливые ситуации, вращающиеся вокруг от алкоголя и тех, кто ему отдает. И, несмотря на доказательства, связывающие сигареты с рак легких, практически каждый воспринимает привычку курить как нечто почти так же нормально и естественно, как еда. С точки зрения утилитарного рационалиста, это может показаться странным, но

для тех, кто разбирается в истории, не стоит ожидать другого вещь. Никогда непоколебимая убежденность в существовании ада не могла помешать христиане делали то, что предлагало им честолюбие, похоть или жадность. Рак легочные, дорожно-транспортные происшествия и миллионы несчастных и создающих страдания из-за алкоголизма-это даже более позитивные реалии, чем ад в время Данте. Но все это отдаленно и вторично по сравнению с реальностью жил и присутствует стремление к безмятежности или свободе, к сигарете или бокалу.

Наша эпоха, среди прочего, - это эпоха автомобиля и головокружения скорость. Алкоголь несовместим с безопасностью на дорогах; и его производство, а также как и табак, он практически обрекает на бесплодие многие миллионы гектаров более плодородные почвы. Проблемы, создаваемые алкоголем и табаком, не могут быть-и это не допускает оспаривания-решается запретом. Универсальный импульс и постоянный к самопревосхождению не может быть освоен простым закрытием запрошенные двери на стене. Единственная разумная политика-открыть другие двери лучше, в надежде побудить людей обменять свои старые вредные привычки новыми и менее вредными практиками. Некоторые из этих новых портов будут социальная и технологическая природа, другие религиозные или психологические, и другие более диетические, спортивные и образовательные. Но неизбежно, что, несмотря ни на что, необходимость частых химических экскурсий от невыносимой личности и из отвратительного окружения каждого. Поэтому ему понадобится новый препарат, который облегчайте и утешайте наших собратьев, которые страдают, не причиняя им большего вреда, после более длительный период времени, чем благо, которое она могла бы дать им. немедленный. Такой препарат должен быть эффективным в незначительных дозах и синтезируемым. Отсутствие из этих характеристик это приведет к его производству, как вино, пиво, крепкие напитки и табак, мешали с продукцией еды и волокон существенный. Он должен быть менее токсичным, чем опиум или кокаин, с меньшей вероятностью производить нежелательные социальные последствия, чем алкоголь или барбитураты, меньше вреден для сердца и легких, чем смола и никотин в сигаретах. И, по его положительные характеристики должны производить более интересные модификации в

восприятие, более плодотворное, чем простое седативное

действие или склонность к мечтам и впечатлениям о всемогуществе или к бегству от запретов.

Мескалин почти полностью безвреден для большинства людей. АО в отличие от алкоголя, он не ведет пациента к таким действиям, не связанным с алкоголем. что приводит к изменениям, насильственным преступлениям и дорожно-транспортным происшествиям. Человек под влияние мескалина живет спокойно для себя. Более того, что тогда “впитывание” - это опыт, который является самым просветляющим и не требует от него взамен (и это, безусловно, важно), любые последующие ощущения дистресса. Немного мы знаем о отдаленных последствиях систематического применения мескалина. Индеец которые жуют кусочки пейота, не кажутся физически или морально униженными привычка. Однако доказательств, которые у нас есть, все еще мало, и они ошибочны. 2

Хотя, возможно, превосходит кокаин, опиум, алкоголь и курение, мескалин еще не идеальный препарат. Пара с большинств индивидуалами встречая удовлетворение при приеме алкалоида, есть меньшинство, для которых препарат обеспечивает только ад или чистилище. Кроме того, для продукта, который будет доставлен, как алкоголь, к неизбирательному употреблению, его последствия сохраняются в течение определенного периода времени слишком долго. Но химия и физиология в наши дни способны выполнить практически все. Если психологи и социологи придут к определить, какой идеал, можно доверять неврологам и фармакологам, чтобы выясните способы его достижения или, по крайней мере,

2. Профессор Я. С. Слоткин в своей монографии Menomini peyotism (о пейотизм среди Меномини), опубликованный в декабре 1952 года в анналах Америки Философское общество заявляет, что ” обычное использование пейота, похоже, не дает любая повышенная толерантность или зависимость. Я знаю много людей, которые пейотисты сорок или пятьдесят лет назад. Количество пейота, которое они используют, зависит от большая или меньшая торжественность, придаваемая случаю; как правило, они не увеличивают дозы, которые они принимали несколько лет назад. Кроме того, иногда возникают интервалы в месяц или около того между последовательными рифмами, и они проводят все это время не используя пейот и не испытывая к нему никакого желания. Я сам, даже после серия рифм за четыре выходных подряд я даже не увеличил дозу пейот, я даже не чувствовал к нему постоянного желания”. Есть, конечно, веские причины так

что ” пейот никогда не был юридически объявлен наркотиком или имеет запрет на его использование федеральным правительством”. Тем не менее, ” во время долгая история контактов между индейцами и белыми, белые власти искали, снова и снова запрещать их использование, поскольку они считают, что это нарушает их обычаи цивилизованный. Но все эти попытки оказались безуспешными”. В нижнем колонтитуле доктор Слоткин он добавляет, что ” удивительно слышать фантастические истории о воздействии пейота и характер ритуала, рассказанный белыми и индийскими католическими властями в резервации Меномини. Ни у кого из них никогда не было ни малейшего личного опыта работы с растением или с религией, хотя некоторые считают себя авторитетными в этом вопросе и над ним составьте официальные отчеты”.

приблизиться к нему гораздо ближе (хотя бы потому, что по самой природе вещей, возможно, никогда не удастся полностью понять, каков этот идеал) того, что было возможно с вином прошлого или с виски, марихуаной и барбитуратами настоящего.

Стремление преодолеть самосознательную личность-это, как я уже сказал, я жажду капитала души. Когда, по какой причине, люди видят заблудших их усилия превзойти себя поклонением, добрыми делами и деятельностью они склонны прибегать к наркотикам-заменителям религии-алкоголю и

“невинные таблетки” на современном Западе, алкоголь и опиум на востоке, гашиш на Moderna магометанский мир, алкоголь и марихуана в Центральной Америке, алкоголь и Кока-Кола в Анды, алкоголь и барбитураты в более ранних регионах Южной Америки. В Poisons sacrés, ivresses divines [священные яды, божественные экстазы], Филипп де Фелис написал исчерпывающе и с богатством документации о незапамятных связях которые связывают религию с приемом наркотиков. Далее, Иногда подведение итогов, иногда расшифровка, представляю ваши выводы:

Использование в религиозных целях токсичных веществ ” необычайно распространенный […] Практики, изученные в этом томе, можно наблюдать в любом область Земли, как среди первобытных народов, так и среди тех, кто уже достиг высокий уровень цивилизации. Поэтому мы не имеем дело с исключительными фактами что они могут быть справедливо

поставлены на обочину; но с общим явлением и внутри в самом широком смысле этого слова, человек; с типом явления, которое не может быть презираемый тем, кто стремится узнать, что это за религия и какие потребности она должна удовлетворять".

Теоретически каждый из нас должен быть в состоянии найти Самопревосхождение из формы чистой религии или

применять. Но на практике кажется крайне маловероятным, что это стремление в период расцвета может быть когда-нибудь достижимым. Есть (и, несомненно, всегда были) добродетельные и благочестивые мужчины и женщины, для которых, к сожалению, только благочестие не достаточно. Покойный Г. К. Честертон, который писал с одинаковым лиризмом как о что касается веры, то она может служить красноречивым примером этой группы.

Moderna церкви, исключенные несколько протестантских сект, терпят однако даже самые терпимые из них никогда не пытались превратить этот напиток в христианство — то есть таинство его использования. Алкоголик видит себя вынужденным держать в с-водонепроницаемые части, ваша религия и ваша замена для нее. И, возможно, это неизбежный. Напиток не может быть включен в литургию, кроме религий, которые не цените приличия. Культ Вакха или кельтского божества пива был festins шумные и распутные. Христианские обряды несовместимы с пьянством, хотя религиозного характера. Это не вредит производителям напитков, но очень плохо для христианство. Бесчисленное количество людей желает испытать Самопревосхождение, и я хотел бы найти ее вовремя. Но " голодные овцы обращаются к небу, а не их обслуживают". Они принимают участие в обрядах, слушают проповеди, повторяют молитвы; но его жажда не утихает. Разочарованные, они поворачиваются к бутылке. По крайней мере, правильно время, и в некотором смысле они находят то, что хотят. Церковь может продолжать быть посещаемый; но это больше не будет чем-то большим, чем музыкальная скамейка Erewhon* Батлера. Бог может по-прежнему признаваться таковым, но ему будет предоставлено только божество в вербалистическом поле только в строго переносном смысле. Истинный объект культ-это бутылка, и единственный религиозный опыт - это состояние дереграмена и воинственная эйфория, которая следует за приемом третьей закуски.

* Erewhon, анаграмма нигде ("нигде"), является сокращенным названием фантастический роман Сэмюэля Батлера, написанный в 1872 году, в котором описывается отцы, чьи люди он

оказывается вынужден уничтожить все машины, чтобы не быть уничтоженным ими.

Таким образом, мы видим, что христианство и алкоголь не смешиваются и не могут-Ло. Больше нет такой несовместимости с мескалином. Это было продемонстрировано различными племенами индейцев, от Техаса до штата Висконсин. Между некоторые из этих племен связаны с Церковью коренных американцев, сектой, чья главный обряд-это своего рода раннехристианский Агапе или праздник любви, в котором

кусочки пейота заменяют хлеб и вино причастия. Эти американские индейцы они рассматривают кактус как драгоценную находку для индейцев и рассматривают его последствия проявление Божественного Духа.

Профессор Я. С. Слоткин — один из очень немногих белых мужчин, которые по сей день, они участвовали в обрядах собрания пейотистов — сообщает, говоря о своих ритуальные компаньоны, что они ” абсолютно становятся наркотическими или пьяными […] Они никогда не теряют ни ритма, ни лепета, как это было бы с людьми, опьяненными алкоголь или наркотические средства […] Все они спокойны, вежливы и уважают друг друга другой. Я никогда не был ни в одном храме белых людей, где мог бы найти столько уважения и религиозности”. Мы могли бы спросить: “Кто эти преданные и хорошо себя пейотисты чувство?”. Конечно, это не должно быть мягким чувством добродетель пакуя общее посетителей воскресного ремесла, в течение девяноста минуты одиночества. Даже эти пылкие чувства, вдохновленные мысли о Творце, Искупителе, судье и Святом Духе, которые оживляют благочестивый. Для этих членов Церкви коренных американцев религиозный опыт что-то более прямолинейное и поучительное, более спонтанное, и имеет очень меньше продукта несовершенный поверхностный и ограниченный ум. Иногда (по наблюдениям у них есть видения, которые могут быть даже от Самого Христа. Другие, они слышат голос Великого Духа. В других случаях они осознают присутствие Бога, а также их личные недостатки, которые должны быть исправлены, чтобы они могли быть его воля исполнилась. Практические последствия этого химического открытия дверей для другого мира они кажутся превосходными. Доктор Слоткин свидетельствует, что пейотисты привычные, как правило, более прилежные, более

умеренные (многие полностью трезвенники) и более мирные, чем непейотисты. Дерево, которое представляет плоды так хорошие не могут быть осуждены как злые. При таинстве использования пейота индейцы индейской Церкви они сделали что-то, что в одно время, психологически правильно и исторически респектабельно. В первые века христианства многие ritos а языческие праздники как бы крестились и ставились на церковную службу. Этот в праздниках не было ничего воодушевляющего, но они облегчали определенный психологический голод, а вместо этого пытаясь подавить их, первые миссионеры имели здравый смысл принять их что полезно для них-позволить душе удовлетворить свои основные импульсы — и включить их в Кодекс новой религии. По сути, идентичной была процедура Индейская Церковь. Они приняли языческий обычай (кстати, более вдохновляющий и поучительно, чем чувственные оргии и маскарады, изъятые из Европейского язычества) и они придали ему христианское значение.

Хотя только недавно они были завезены в северный регион Соединенные Штаты, потребление пейота и культ на его основе стали важными символы права индейцев на духовную независимость. Некоторые коренные жители отреагировали на гегемония белых стала американизированной, в то время как другие присоединились к своим традиционные обычаи. Но третья группа стремилась наилучшим образом использовать оба цивилизации и другие миры трансцендентного опыта, где душа знает, что он свободен и имеет божественную сущность. Отсюда и родилась Церковь коренных американцев. В ней два большие аппетиты души-стремление к независимости и самоопределению, и стимул к преодолению самого себя-они слились и стали интерпретироваться в свет третьего-необходимость поклонения, оправдания перед человеком Божьи причины объяснения вселенной посредством последовательного богословия.

Lo, the poor Inâian, whose untutored mina Clothes him in front, but leaves him голый за. *

Но на самом деле это мы, богатые и высокообразованные белые люди, которые мы выставляем напоказ наготу нашей спины. Мы покрываем наш райский внешний вид с какой — то философией-христианской, марксистской, физической-фрейдистской-но мы пренебрегаем другая сторона, оставляя ее во власти всех ветров, которые могут дуть. Бедный индеец, с другой стороны, если бы

дух защищал его тыл, дополняя Богословский щеколда лист с набедренной повязкой опыта трансцендентальный.

* несчастный индеец, которого обманывает душа, / прикрывает его спереди и оставляет голым сзади.

Я не настолько глуп, чтобы рассказать о том, что происходит под действием мескалина или любой другой наркотик, существующий или который может появиться, с пониманием конец и конечная цель человеческой жизни: свет, блаженное видение. Все, что я предложение можно резюмировать следующим образом: опыт с мескалином-это то, что богословы католики называют это “Свободной благодатью”, не обязательно для спасения, но потенциально ценный и который, если он будет реализован, будет с удовольствием принят. Видеть себя свободным от рутина и обычное восприятие, чтобы ему было позволено созерцать в течение нескольких часов в котором исчезает понятие времени, внешний и внутренний миры, а не как они они показывают животному, в котором доминирует идея выживания, или одержимому человеку по терминам и идеям, но таким, каким они воспринимаются всеведением-прямым и безоговорочно -, вот опыт неоценимого значения для любого индивидуум, особенно для интеллектуала, потому что это, по определению, человек для кто, по фразе Гете, “слово по сути плодотворно”. Он человек для кто ” то, что мы воспринимаем зрением, нам чуждо и, следовательно, не должно нас впечатлять глубоко”. Тем не менее, хотя он сам был интеллектуалом и одним из верховные мастера языка, Гете не всегда соглашался со своими собственными концептуализация слова. “Мы слишком много говорим”, - писал он в своей нечистоте. “Мы должны меньше говорить и больше рисовать. Я лично хотел бы уйти в отставку полный речи и, подражая организованной природе, общаться эскизами все, что должен был сказать. Это фиговое дерево, эта маленькая змея, ожидающий кокон безмятежно будущее на пороге моего окна, все это важные знаки. Кто бы ни был способен правильно расшифровать его значение, он мог бы полностью сторона как письменного, так и устного слова. Чем больше я думаю об этом, тем больше нахожу тщетность, посредственность и даже (я вынужден сказать это) глупость в слове. В отличие от этого, как нас преследуют гравитация и тишина природы когда мы сталкиваемся с ним лицом к лицу, концентрируясь перед бесплодным холмом или холмом. запустение холма, которое эрозия стерла.”

Мы никогда не сможем обойтись без слова и других систем

символов, потому что именно благодаря им и только благодаря им мы поднялись над зверями, достигнув уровень людей. Но мы можем легко взять на себя как жертвы, так и бенефициары этих систем. Нам нужно научиться эффективно управлять слова но в то же время мы должны сохранять и, при необходимости, усиливать наши способность смотреть на мир напрямую, а не через полупрозрачную линзу идей, который искажает каждый факт, превращая его в обычное место общих наименований или объяснительные абстракции.

Литературное или научное, либеральное или специализированное, все наше образование преимущественно вербалист и, следовательно, не может полностью достичь своих целей. Вместо того, чтобы превращать детей в полностью развитых взрослых, он производит студенты естественных наук, которые не имеют ни малейшего представления о первостепенной роли Природа как фундаментальный элемент опыта; доставка в мир студентов

гуманитарные науки, которые ничего не знают о человечестве, будь то ваше или чье-то еще.

Психологи адепты гештальтизма, такие как Сэмюэл Реншоу, они разработали методы для расширения диапазона и повышения остроты восприятия но будут ли они применять наши педагоги? Не.

Мастера всех областей психофизической деятельности — от наблюдения до теннис, от эквилибризма до Резы-методом испытаний они обнаружили условия идеалы исполнения в своих особых секторах. Но это будет иметь некоторые большие Фонд когда-нибудь финансировал работу, направленную на координацию этих выводов эмпирические, чтобы найти общие, теоретические и практические основы увеличения мощности создатель? Опять же, насколько мне известно, я должен ответить отрицательно.

Прорицатели и шарлатаны всех видов учат без числа методы обретения радости, здоровья, душевного спокойствия.

И для многих ваших клиентов большинство этих методов действительно эффективны. Но мы видим, как сходят авторитетные психологи, философы и священники смело в эти

странные, иногда зараженные пещеры, на похоронах которых бедная Неужели вы так часто вынуждены сидеть? Опять же, ответ “Нет”.

А теперь давайте посмотрим на историю исследований мескалина. Есть семьдесят годы, люди неоспоримой способности описали трансцендентные опыты которые прошли те, кто, наслаждаясь хорошим здоровьем, в полной мере использовать свои способности психически и в надлежащих условиях они проглотили наркотик. Сколько философов, сколько богословы, сколько педагогов захотелось открыть эту дверь в стене? А ответ: “практически нет”. В мире, где передается образование в основном через слово, люди с большим образованием становится почти невозможно уделять серьезное внимание чему-либо, кроме слов или идей. Всегда есть деньги, которые нужно потратить, тезисы, которые нужно защитить, глупые и бессмысленные исследования ориентация на то, что, по мнению ученых, является окончательной проблемой. “Что это кто побудил сказать такое и в таком случае?“Даже в наш век технологий вербалистские гуманитарные науки достойны. Объективные знания, которые позволяют принимать непосредственный контакт с определенными фактами нашего существования почти которые полностью презирали. Каталог; библиография; полное собрание сочинений, слово в слово, поэт третьего класса; колоссальный индекс, который представьте последнее слово в индексах-короче говоря, любой проект пропорций grandiosas фатально получит одобрение и финансовую поддержку. Но когда дело доходит до желая знать, как каждый из нас, наших детей и внуков, может стать больше заметные, более интенсивно осознающие внутреннюю и внешнюю реальность, более доступные к духу, менее склонным болеть жертвами наших собственных психологических ошибок и более способны контролировать нашу вегетативную нервную систему-когда речь идет о любая форма объективного образования, наиболее важная (и, следовательно, более вероятная достичь практического применения), что шведская гимнастика, не будет респектабельного человека, в любой известный университет или церковь, которая делает что-либо в вашу пользу. Вербалисты опасаются невозвратных списков; рационалисты боятся фактов конкретные, нерациональные; интеллектуалы считают, что “то, что мы воспринимаем зрением (или каким-либо другим способом) это странно для нас и, следовательно, не должно нас впечатлять глубоко”. Более того, образование в области объективных знаний, он не адаптируется ни к одной из существующих схем. Это не религия, неврология,

гимнастика, нравственное и гражданское воспитание, а также экспериментальная психология. Следовательно, это предмет просто не существует, для академических и церковных целей, и хорошо может быть

либо полностью игнорируется, либо низводится со снисходительной улыбкой к тем, кто кого фарисеи вербалистской ортодоксии называют маньяками, самозванцами, шарлатанами и неряшливые любители.

“Я всегда находил, — писал Блейк с определенной горечью, - что ангелы у них есть тщеславие считать себя единственными мудрецами. И это они делают с уверенная наглость, проистекающая из систематических рассуждений.”

Систематическое рассуждение-это то, без чего мы, как вид или как человек, мы не можем пройти. Но я думаю, что мы не сможем обойтись без непосредственное восприятие — и чем менее систематическое, тем лучше-внутренних миров и внешний вид, который служил нам колыбелью, чтобы мы могли сохранить здравомыслие. Эта объективная реальность имеет бесконечный смысл, который превосходит все понимание и, тем не менее, это позволяет быть прямым и в некотором смысле полностью воспринимаемым. Это трансцендентность, характерная для другого порядка, кроме человеческого, хотя она может быть мы присутствуем как ощутимая Имманентность, как опыт того, что мы участвовать. Быть просвещенным-значит всегда осознавать полную реальность в ее разнообразии внутренний-иметь науку об этом, не забывая при этом следить за своим выживанием как животного, думать и чувствовать себя человеком, прибегать, когда это необходимо, к рассуждениям систематический. Наша цель-доказать, что мы всегда были там, где должны были быть. К сожалению, мы сделали миссию слишком сложной для себя, но в этом в то же время появились “безвозмездные грации” в виде частичных и мимолетных достижений. При более реалистичной системе образования, менее вербальной, чем наша, она должна быть позволено каждому Ангелу (в том смысле, в котором Блейк дал это слово), жаворонку покоя творческий отпуск-и, при необходимости, его следует подстрекать или даже принуждать-совершить прогулка, снова и снова, используя химические двери в стене, в мире трансцендентный опыт. Если бы это их напугало, это было бы прискорбно, но все же может быть, это было бы полезно для них. И еще лучше было бы, если бы она предоставила

им на короткое время моменты, которые будут казаться вечными, сияющее вдохновение. Но в обоих в случаях ангел должен был бы потерять часть уверенной наглости, порожденной рассуждениями систематический и уверенный, что прочитал все книги.

Святой Фома Аквинский, уже ближе к концу своей жизни, встретил Вдохновенное Созерцание. С тех пор он больше не продолжался в книге, которую начал. По сравнению с этим, все остальное, что он читал, о котором он обсуждал и писал - Аристотель и предложения, вопросы, предложения, magestosas Summas* —, он стоил столько же, сколько солома или солома. Для большинства интеллектуалов такой удар оружием крестоносцы было бы опрометчиво или даже морально неправильно. Но ангельский доктор он практиковал более систематические рассуждения, чем дюжина обычных Ангелов, собравшихся вместе., и он уже был близок к своему концу. В последние месяцы жизни он получил право земная, обменять простую солому или символическую плевелу на хлеб реальной и существенной истины. Ангелы более низкого ранга и с лучшими перспективами долголетия вернутся к солома. Но человек, который снова перейдет дверь в стену, никогда не будет таким же к тому, кто отправился в это путешествие. Отныне он будет мудрее, хотя и меньше укоренившийся в своих убеждениях, более счастливый, но менее удовлетворенный собой, смиреннее соглашаться с собственным невежеством, хотя и в лучшем условия для понимания близости между словами и вещами, между рассуждениями систематический и непостижимая тайна, которую он ищет, всегда напрасно, чтобы понять.

* Summa theologica и Summa contra gentiles Святого Фомы Аквинского, синтез человеческих знаний того времени.

РАЙ И АД

ПРОЛОГ

Эта книга является продолжением опубликованного эссе об опыте с мескалином в 1954 году под названием “Двери восприятия”. Для человека, чья ” лампа видение ” никогда не загорается спонтанно, опыт с мескалином вдвойне уточнение: он проливает луч света на ранее неизвестные области его и в то же время

косвенно просвещает других духов лучше что касается его зрения.

Размышляя о своем опыте, она приходит к новому, более глубокому пониманию совершенными способами, которыми эти другие умы воспринимают, чувствуют и думают, космологические понятия, которые кажутся им аксиоматическими, а также произведения искусства то есть, они вынуждены выражать себя.

На следующих страницах я попытался представить более или менее аккуратно, результаты этого нового понимания, к которому я пришел.

А. Х.

В истории науки коллекционер образцов предшествовал зоолог и следовал по стопам представителей естественного богословия и магии. Осталось от изучение животных в духе авторов бестиариев, в которых муравей он олицетворял изобретательность, пантера, как бы странно это ни звучало, была эмблема Христа, а ласка представляла собой скандальный пример безудержности похотливость. Но, за исключением очень молодой формы, он еще не был физиологом, эколог или исследователь поведения животных. Ваша первая забота он состоял в том, чтобы поднять, собрать, убить, набить и описать так много животных столько, сколько ему дали поймать.

Как и земля века назад, наш разум до сих пор обладает своими таинственными Африки и Амазонки, их игнорирование Борнеев. Что касается фауны этих регионов, то еще мы не зоологи; мы не более чем натуралисты и коллекционеры образцов. Это осознание печально, но мы должны смириться с этим и сделать все, что в наших силах это возможно. Несмотря на скромность, задача коллекционера должна быть выполнена, прежде чем мы можем перейти к более высоким научным работам: классификации, анализу, экспериментирование и разработка доктрины.

Подобно жирафу и утконосу, существа, населяющие эти более отдаленные области разума невероятно неправдоподобны. И тем не менее, есть, их можно увидеть при наблюдении. Таким образом, они не могут быть проигнорированы те, кто стремится по-настоящему понять мир, в котором они живут.

Трудно, почти невозможно говорить о ментальных фактах, кроме как через заимствованные аналогии со Вселенной, которая нам

наиболее знакома — о вещах материал. Если бы я воспользовался географическими и зоологическими метафорами, это было бы не просто каприз, просто чтобы быть шутливым, и да потому, что такие фигуры выражают, с большим количеством сила, существенное несоответствие отдаленных областей разума, полное автономия и самодостаточность его жителей. Человеческий разум состоит из того, что мы можем назвать старый мир вашего сознания и за морем разделитель, из ряда новых миров-не слишком далеких Виргиний и Каролин из их коллективного подсознания, с их флорой символов и их племенами родные привычки; и за пределами, далеко за пределами, по ту сторону огромного океана, особенно антиподы повседневного сознания-мир визионерского опыта.

Любой, кто поедет в Новый Южный Уэльс, увидит, как сумчатые прыгают по лугам. И тот, кто ищет антиподов сознательного, должен найти созданий со всех сторон. вид, по крайней мере, такой же странный, как кенгуру. Никто не изобретает их, способ, которым никто не изобретает сумчатых. У них есть собственная жизнь, в полной мере независимость. Человек не может их контролировать. Все, что он может сделать, это пойти в ментальный эквивалент Австралии и оглянуться вокруг себя. Есть люди, которые никогда они осознанно обнаруживают свои антиподы. Другие могут попасть туда случайно. Узел однако для других (в очень небольшом количестве) легко добраться до этого региона и из него возвращайтесь, когда пожелаете. Для натуралиста разума, коллекционера психологические образцы, главное-добиться безопасного, легкого и надежного метода, пусть он перенесет себя и других из старого в Новый Свет, с континента от знакомых коров и лошадей до кенгуру и утконоса.

Для этого есть два метода. Ни один из них не идеален, но они оба достаточно эффективные, простые и безопасные, чтобы оправдать их принятие теми, кто они знают, что делают. В первом случае душа переносится в свое далекое судьба через препарат-мескалин или лизергиновую кислоту. Во-вторых, транспортное средство носит психологический характер, и переход к антиподам разума осуществляется через

гипнотизм. Оба метода переносят восприятие в одну и ту же область, но наркотик обладает большей дальностью полета и уносит своих пассажиров даже дальше, в недра земли неизвестное

1 См. Приложение I.

Как и почему гипноз производит такие эффекты? Мы этого не знаем, но это в данном случае нас это тоже не интересует. Все, что нам нужно на данный момент, это запись того факта, что некоторые пациенты транспортируются в гипнотическом трансе к область и антиподы разума, где они найдут эквивалент сумчатых — единичные психологические сущности, которые ведут автономную жизнь в соответствии с законами своего собственного существования. Что касается физиологических эффектов мескалина, у нас уже есть некоторые понятия. Она, возможно (поскольку мы еще не уверены), вмешивается в ферментные системы, регулирующие работу мозга. Такое действие уменьшает эффективность этого как инструмента, предназначенного для направления ума к жизненным проблемам на поверхности нашей планеты. Это снижение того, что мы можем назвать эффективностью биологический мозг, кажется, позволяет доступ к определенным классам событий в сознании, события, которые обычно устраняются не иметь ценность с точки зрения выживания. Подобные вторжения материала биологически лишенный важности, но эстетический интерес, а иногда и большая духовная ценность, они могут дать себя из-за болезни или усталости. Это тоже может успех как результат поста или периода уединения среди тьмы и в полной тишине. 2

Человек под воздействием мескалина или лизергиновой кислоты перестанет иметь видения, если вы получаете большую дозу никотиновой кислоты. Это помогает объяснить эффективность пост как производитель видений. Снижение уровня доступного сахара, голодание оно уменьшает биологическую эффективность мозга и таким образом принимает возможный доступ к сознательному материал, лишенный ценности, с точки зрения выживания. Причем, вызывая дефицит витаминов, удаляет из крови Этот известный элиминатор из видений-никотиновая кислота. Еще одним препятствием для видений является рутинный опыт, ежедневно, проницательно. Экспериментальные психологи пришли к выводу, что если мы ограничиваем человека “ограниченной средой”, где нет света, шума или запахов, и если мы погрузим его в прохладную ванну, где есть только один объект почти незаметно, что он может прикоснуться, пациент скоро начнет “видеть вещи”, ” слышать вещи ” и странные ощущения в теле.

2. См. Приложение II.

Миларепа, в своей пещере в Гималаях, и отшельники Фиваиды последовали, в суть, тот же метод и достигли, в общем, те же результаты. Один тысячи картин искушений Святого Антония свидетельствуют об эффективности ограниченная диета и ограниченная среда. И очевидно, что аскетизм имеет двойную мотивировка. Не только для того, чтобы искупить прошлую вину и избежать будущих наказаний, мужчины и женщины мучают свои тела; это также потому, что они жаждут посетить антиподы ума и сделать немного визионерской vilegiatura. Знаете, эмпирически, и восхваляя себя в информации от других подвижников, что пост и ограниченная среда они будут перевозить их куда угодно. Самонаказание может стать дверью рай. (Но она также может трансформироваться — и это один момент, который будет рассмотрен впоследствии — у ворот в адские области.)

С точки зрения жителя Старого Света сумчатые невероятно странные. Но уникальность-это не то же самое, что случайность. Может отсутствовать правдоподобие кенгуру, но его невероятность повторяется и подчиняется четким законам.

То же самое и с психологическими образованиями, которые населяют самые отдаленные районы наш разум. Эксперименты, проводимые под действием мескалина или гипноза глубоко они действительно странные; но они странные с определенной регулярностью; странные внутри модели.

Какие общие характеристики эта модель придает нашему опыту провидцы? Первый и самый важный-это I опыт света. Все, что видно тем, кто посещает антиподы разума, он ярко освещен и, кажется, обладает свечение, исходящее от самого себя. Все цвета усилены до степени далеко за пределами находится в нашем нормальном состоянии, в то же время обостряясь необычайная способность ума выявлять незначительные вариации тональности и оттенок.

В этом отношении существует большая разница между этими переживаниями провидцы и обычные мечты. Большинство из них лишены цвета, или же только частично или незаметно окрашены. С другой стороны, видения, с которыми мы сталкиваемся под влиянием мескалина или гипноза они всегда имеют интенсивный колорит и, мы можем даже сказать, из претематурального блеска. Профессор Кэлвин Холл, у которого есть я собрал информацию о

многих тысячах снов, говорит нам, что около двух третей все они черно-белые. “Только один из трех снов окрашен или это показывает немного цвета.“Некоторые люди всегда мечтают о цвете, а другие им снятся только черно-белые сны; но большинство мечтает то в цвете, то нет, и это последняя альтернатива является наиболее частой.

“Мы пришли к выводу, - пишет доктор Холл, - что наличие цвета в сны не дают нам никакой информации о личности человека.” Я согласен с этим выводом. Цвет во сне и видениях больше не говорит нам о личность пациента того, что он делает во внешнем мире. Сад в июле воспринимается как интенсивно окрашенный. Восприятие говорит нам о солнечных лучах, цветы и бабочки, но мало или ничего о себе. Точно так же факт мы видели яркие цвета в наших видениях и в некоторых из наших снов, просто это что-то говорит о фауне антиподов разума, но абсолютно ничего не говорит о уважение личности, обитающей в том, что я назвал старым миром разума.

Большинство снов касаются инстинктивных желаний и побуждений пациента, а также к конфликтам, которые возникают, когда эти желания и побуждения сорваны неодобрение сознательного или страх перед чужим мнением.

История таких импульсов и конфликтов рассказывается в терминах символов драматичны и в большинстве снов такие символы монохромны. В чем причина для этого? Я предполагаю, что это потому, что символы, чтобы иметь значение, не обязательно должны быть красочный. Письма, которыми мы пишем о розах, не обязательно должны быть красными, и мы можем описать радугу черными знаками на белой бумаге. Эй сборники иллюстрируются штриховкой и полутонными фотогравюрами, которые это не мешает эти монохромные диаграммы и изображения могут представлять информация, которую вы хотите.

То, что достаточно для бодрствующего сознательного, будет также, очевидно,, для нашего подсознания, которое считает возможным выражать свои сообщения через неокрашенных символов. Цвет оказывается своего рода пробным камнем реальность. То, что реально, красочно; то, что является плодом нашего воображения, связано с творческая сила нашего интеллекта лишена цвета. Следовательно, внешний мир воспринимается в цвете. Мечты, которые не являются объективными, а сфабрикованы нашими подсознательные, они,

как правило, производятся в черно-белом цвете. (Следует отметить, что,

по опыту большинства людей, наиболее ярко окрашенные сны те, в которых появляются пейзажи, в которых нет ни драмы, ни символических ссылок на конфликты, но только представление сознанию объективного, нечеловеческого факта.)

Образы мира бессознательного символичны; но, ; поскольку, как личности, мы не производим их, а находим их" там " в бессознательном они, по крайней мере, обладают некоторыми характеристиками объективной реальности и они красочные. 1 несимволические обитатели антиподов разума существуют сами по себе те же и, как это происходит во внешнем мире с объективными вещами, окрашены. Na правда, они гораздо интенсивнее окрашены, чем последние. Это может быть объясняется, по крайней мере частично, тем, что наше восприятие внешнего мира обычно они толкуются вербалистическими понятиями, с точки зрения которых мы реализуем наше мышление. Мы всегда стремимся преобразовать вещи в символы для более понятные абстракции нашего собственного изобретения. Но, делая это, мы отнимая у этих вещей значительную часть их наивной сущности.

В антиподах разума мы почти полностью свободны от языка, вне концептуальной системы рассуждений. В результате наше восприятие видений он обладает всей свежестью, всей первозданной интенсивностью переживаний, которые когда-то были вербализованные или ассимилированные с неодушевленными абстракциями. Его цвет (этот характерный признак от объективности) сияет сиянием, которое кажется нам претернатичным, потому что это, в правда, совершенно естественно — и естественно в том смысле, что совсем не было, искусственные лингвистические или научные, философские или утилитарные концепции; средства с помощью которых мы обычно перестраиваем объективный мир в свой собственный зачатие, к сожалению, человеческое.

В своей “свече видения” ирландский поэт Джордж Рассел он проанализировал свои дальновидные переживания с замечательной остротой. “Когда я медитирую”, - написал он он, ” я чувствую, в мыслях и образах, которые накапливаются вокруг меня, рефлексы личности. Но есть и окна в душе, через которые мы можем видеть образы, созданные не человеческим воображением, а божественным зачатием.”

Наши языковые привычки заставляют нас ошибаться. Так, например, мы часто говорим “Я представляю”, когда мы должны были сказать: “занавес был снят и я мог видеть”. Спонтанные или вызванные видения никогда не являются нашей собственностью. А индивидуальная память не имеет к ним никакого отношения: видения открывают нам вещи совершенно чужие для нас. Цитируя фразу сэра Уильяма Гершеля: “нет отношение или сходство с любыми недавно наблюдаемыми объектами или даже представить”. Когда появляются лица, они никогда не бывают лицами друзей или знакомых. Находиться из Старого Света, исследуя антиподы.

Для большинства из нас и большую часть времени мир нашей жизни повседневность представляется довольно мрачной и однообразной. Но часто для некоторых немногие, и время от времени для хорошего числа, приходят к нам что-то от блеска опыта провидец, который, сливаясь с общим восприятием, делает мир сознательное преображение. Несмотря на то, что он все еще сохраняет свои характеристики, старый мир он приобретает качества антиподов ума. Вот ниже описание совершенно характеристика этого преображения:

Я сидел у моря и смутно слушал друга, который не соглашался с ярость из-за чего-то, что меня просто раздражало. Неосознанно я собрал горсть песок, который я собирал в руке, когда я внезапно осознал нежную красоту каждого гранул: вместо аморфного я проверил, что каждая частица имеет форму идеальная геометрическая, с острыми краями, от каждой из которых отходил яркий луч

свет, в то время как каждый крошечный Кристалл сияет, какая радуга […] Лучи пересекались и они скрещивались, образуя тонкие рисунки такой красоты, что я потерял дыхание […] И затем, из инопино, мое сознание загорелось, и я осознал, живо, как была создана Вселенная: материальные частицы, которые, хотя и могут быть аморфными и неодушевленные, они, тем не менее, были беременны этой интенсивной и жизненной красотой. Для одного во-вторых, весь мир предстал передо мной, какое сияние славы. Когда это рассеялось, это оставило меня с чем-то, что я никогда не забывал, и что постоянно это заставляет меня вспомнить красоту, заключенную в каждом атоме, который окружает нас.

Джордж Рассел также говорит нам о том, что видел мир, освещенный ” одним неисчерпаемое великолепие огней”; видеть, как вы восхищаетесь ” панорамами, прекрасными, как Потерянный рай”; наблюдения за миром, ” где цвета были самыми яркими и чистыми, это не помешало им создать более мягкую гармонию”. И в другом отрывке:” ветры были великолепны и имели чистоту алмаза, хотя они обладали цветом я понял, что я погружен в возраст И что мы были слепы к ней, которая никогда не отступала от люди”.

Многие подобные описания можно найти среди произведений поэтов и мистическая религиозная литература. Примерами этого являются Ода в повестках Immortality in Early Childhood (Ода об идее бессмертия в раннем детстве) Words-worth, некоторые лирические произведения Джорджа Герберта и Генри Воана, Centuries of Meditations [века медитации] Traherne, отрывок из автобиографии Сурина, в котором он описывает чудесное превращение внутреннего монастырского сада в фрагмент рая.

Претернатурный свет и цвет-явления, общие для всех трансов мечтатель. И в паре с ними с равным постоянством возникает ощущение расширения ценностей. Светящиеся объекты, которые

мы видим в антиподах разума, обладают значение, и это значение в некотором смысле столь же интенсивно, как и его цвет. Смысл, здесь он отождествляется с существованием, поскольку в этой области объекты не существуют, кроме как для себя. Образы, возникающие в прежних границах подсознания коллектив имеют значение, которое связано с основными фактами жизни человека; но в дальних уголках дальновидного мира мы имеем перед собой факты, которые, подобно от внешней природы, независимо от людей, как индивидуально, так и коллективно, и они существуют как функция самих себя. Их ценность заключается именно в этом: они исключительно они сами по себе и, следовательно, представляют собой проявления объективности существенный, с другой нечеловеческой стороны Вселенной.

Свет, цвет и важность не существуют сами по себе. Они изменяют объекты или они проявляются. И будут специальные классы объектов, общие по большей части из дальновидных переживаний? Думаю, я могу сказать, что да. Под действием мескалина и гипноз, а также спонтанные видения, определенные виды переживаний перцептивы часто повторяются.

Типичный опыт с мескалином или лизергиновой кислотой начинается с восприятия из красочных, подвижных и анимированных геометрических фигур. Со временем чистая геометрия становится делает его конкретным, и пациент больше не воспринимает рисунки, а вещи, содержащие рисунки, такие как ковры, резьба и мозаика. За этим следуют обширные и сложные здания среди ландшафтов, которые постоянно меняются, переходя от великолепия к великолепию более ярко окрашенный, от удивительности до еще большей удивительности. Рисунок героики, похожие на Серафима Блейка, могут появляться в одиночку или в толпа. Сказочные животные перемещаются по сцене. Все оригинально и удивительно.

Почти никогда провидец не видит того, что напоминает ему о его прошлом. Он не помнит сцены, люди или предметы, он также не изобретает их. Просто созерцает новый создание.

Сырье для такого творения обеспечивается визуальными экспериментами повседневная жизнь, но формование этого материала в формы-дело рук того, кто, это больше конечно, это не будет человек, который первоначально испытал их или кто позже он вспомнил о них и размышлял над ними. Эти формы

(расшифровка слова доктора J. R. Smythies, в недавней статье в Американском журнале психиатрии) ” а работа высоко дифференцированного ментального отсека без какой-либо видимой связи, эмоциональный или волевой, с целями, интересами или чувствами заинтересованного лица”.

Далее я цитирую, иногда текстуально, иногда вкратце, мнение Вейра Митчелла о мир видений, в который он был перенесен пейотом-кактусом, составляющим естественный источник мескалина.

Войдя в этот мир, он увидел серию “Звездных точек”, которые они напоминали “осколки окрашенного стекла”. Затем появились ” деликатесы цветные плавающие пленки”. Они были заменены ” внезапным натиском нет-количество точек белого света”, которые охватывали поле зрения во всех направлениях. Затем появились зигзаги очень ярких цветов, которые трансформировались в густых облаках еще более ярких оттенков. Затем появились здания, а затем, пейзаж. Была готическая башня изысканной формы, украшенная статуями изношенные, на порталах и в каменных уголках. “Когда я созерцал ее, каждый свес, карниз и даже стык камней постепенно покрывались кудри из того, что казалось огромными драгоценными камнями, некоторые из которых напоминали больше прозрачных фруктовых пенек […] Казалось, что все обладает внутренним светом.” Башня готика уступила свое место горе; скале немыслимой высоты; колоссальный птичий коготь, высеченный в скале, выступающий над бездной; к бесконечное разворачивание красочных гобеленов и расцвет новых камней драгоценный. Наконец, появились зеленые и пурпурные волны, разбивающиеся о пляж “вместе с мириадами огней того же цвета, что и волны”.

Каждый опыт с мескалином, каждое видение, полученное гипнозом, уникален. Но все они явно принадлежат к одному типу. Панорамы, здания, завитки драгоценных камней, яркие и замысловатые формы — вот они, в своей атмосфере свет, цвета и претернатурные ценности, сырье, из которого изготавливаются антиподы разума. Я понятия не имею, почему этот факт; я просто знаю, что это осознание опыта, который, нравится нам это или нет, мы должны принять из того же самого таким образом, мы вынуждены признать существование кенгуру.

Но давайте перейдем от этих фактов опыта с видениями к отчетам, сохранились во всех культурных традициях, о других мирах-мирах обитаемые богами, духами мертвых, человеком в его

первобытном состоянии невинности.

Читая эти описания, мы сразу же удивляемся великому сходство между индуцированными или спонтанными взглядами и небесами и странами-от- феи религии и фольклора, претернатурал свет; претернатурал интенсивность красочного; сверхъестественное значение-таковы характеристики всех других миров и Золотой Век. И практически во всех случаях этот свет претернатуральной важности он сияет в панораме такой неисчерпаемой красоты, что нет слова, чтобы описать это.

Это то, что происходит в греко-римской традиции, в которой мы найдем прекрасное

Сад Гесперид, Елисейские поля и лучистый остров Леуке, к которому ведет Ахиллес его перевезли. Менон отправился на другой освещенный остров, туда в Левант. Улисс и Пенелопа путешествовала в противоположном направлении и наслаждалась своим бессмертием с Цирцеей в Италия. Дальше на Восток располагались острова блаженства, упомянутые в первое место Гесиода и в существовании которого была такая уверенность, еще в I веке до н. э., который Серторий планировал отправить из Испании флот, чтобы обнаружить их.

Давайте снова найдем упоминание о чудесных заколдованных островах в фольклор кельтов и, на другом конце света, фольклор японцев. И между Авалоном, в западный конец, и Horaisan, на восточном конце, лежит земля Уттаракуру-о Другой мир индусов. “Земля, - говорит нам Рамаяна, - орошается озерами где золотой лотос. Есть тысячи рек, покрытых листьями цвета сапфира и лазурит; и озера, сияющие, какое утреннее солнце, украшены золотыми красные цветочные клумбы лотоса. Весь регион вокруг украшен драгоценностями и камнями драгоценные, с веселыми голубыми цветниками лотоса, с золотыми лепестками. Вместо песка, жемчуг, драгоценные камни и золото образуют берега рек, над которыми они свисают мерцающие золотые деревья. Эти деревья постоянно украшены цветами и фруктами они обладают нежным ароматом и всегда населены птицами.”

Уттаракуру, как мы видим, напоминает пейзажи экспериментов с мескалином, обилие драгоценных камней. И эта характеристика является общей практически для всех другие миры религиозной традиции. Все Раи полны драгоценных камней или, в минимум,

похожих на драгоценные камни объектов, которые напоминают, по словам Вейра Митчелла, “прозрачные плоды”. Вот, например, версия Иезекииля об Эдемском саду: “Ты был в Эдеме, саду Божьем. Они покрывали тебя всеми драгоценными камнями-сардиум, топаз, Алмаз, берилл, оникс, яшма, сапфир, изумруд, рубин и золото […] И помазанный херувим, который покрыт […] ты ходил из одной стороны в другую, среди к камням огня”. Буддийские убежища также украшены “огненными камнями”. Таким образом, западный рай секты девственной земли покрыт серебром, золотом и бериллом; здесь есть озера с берегами педрариаса, где много огней Лотос, среди которого восседают Бодхисаттвы,

В описании своих других миров кельты и тевтонцы очень мало говорят о драгоценные камни, но во многом относятся к другому веществу, которое для них было одинаково замечательно-стекло. Валлийцы владели блаженной землей, к которой они называли Ynisvitrin-стеклянный остров. И одно из имен царства мертвых германская эпоха Гласберг-Земля стекла. Также Апокалипсис относится к морю Стекло.

Большая часть рая украшена зданиями, и они, как деревья, воды, горы и луга, сияют из педрариаса. Мы все знаем новую Иерусалим: “и стена его была воздвигнута из яшмы, и город из чистого золота и стекла кристальный. А фундамент городской стены был полностью украшен камнями драгоценный”.

Подобные описания можно найти в доктринальной литературе брахманизм, буддизм и ислам. Небо - это всегда область камней драгоценный. В чем причина этого? Те, которые рассуждают на основе всех видов деятельности люди в рамках социально-экономической системы отсчета должны найти ответы этого жанра: драгоценные камни очень редки на Земле. Немногие имеют их. Затем найти компенсацию за это, доктринаторы этого большинства страдают от бедность покрыла свои воображаемые райские уголки драгоценными камнями. Эта гипотеза “сокровище на небесах”, несомненно, содержит некоторую истину; но не может объяснить

что драгоценные камни стали считаться таковыми в нашем мире.

Человек потреблял время, энергию и деньги в огромных масштабах, чтобы найти, исследовать и огранить эти блестящие

камни. Почему? Утилита не может предложить объяснение такого фантастического поведения. Но как только они попадают в он рассказывает факты дальновидного опыта, все проясняется. В видениях человек находит изобилие того, что Иезекииль называет “огненными камнями”, а Вейр Митчелл описывает как “прозрачные плоды”. Эти вещи имеют собственный свет, отображают красочное претер-природные и имеют также экстерренную ценность. Материальные объекты, которые больше всего напоминающими этими источниками освещения видений являются драгоценные камни. Приобретать одним из таких камней является обладание чем-то, драгоценность которого обеспечивается тем фактом, что они существовать в ином мире.

Отсюда и эта необъяснимая страсть, которую человек испытывает к драгоценным камням; и это приписывание ему лечебных и магических достоинств таким камням. Цепочка причина — в этом я прав-начинается в потустороннем психологическом мире опыта провидец, она спускается на землю и снова возвращается на небеса богословского потустороннего мира. Под этот аспект, слова Сократа в “Федоне”, приобретает новое значение. Есть, говорит-в нем идеальный мир, выше и за пределами материального мира. “На этой другой земле цвета они гораздо более чисты и великолепны, чем здесь…] Сами горы, такие же камни обладают большей яркостью и более красивыми оттенками, благодаря своей резкости и интенсивность. Драгоценные камни этого подземного мира — наши самые ценные сердолики, наши яшмы, изумруды и все остальное-не что иное, как крошечные фрагменты этих камней с высот. На другой земле нет камня, который не был бы драгоценным даже не превышайте красоту любого из наших драгоценных камней.”

Другими словами: драгоценные камни-это потому, что они хранят слабое сходство со светящимися чудесами интервью по внутреннему восприятию мечтатель. “Панорама этого мира, - говорит Платон, - это зрелище для зрителей блаженны”; ибо видеть вещи “такими, какие они есть сами по себе” - это благословение высший и невыразимый.

Среди людей, которые не знают о стекле или драгоценных камнях, небо украшен не минералами, а цветами. В большинстве других миров, описанных у первобытных эсхатологов растут цветы сверхъестественного великолепия; и даже в раю самых передовых религий, сияющих камнями и стеклом, они они сохраняют свое место. Нам достаточно вспомнить Лотос браминских традиций и буддист, из роз и лилий Запада.

“Бог сначала посадил сад.“Это утверждение завершает глубокую психологическая правда. Цветоводство имеет свое происхождение — или, как бы то ни было, одно из своих истоки - в потустороннем мире антиподов разума. Когда верующие предлагают цветы перед алтарем они возвращают богам то, что они знают ,или (если они не провидцы) смутно чувствуют, что они происходят с небес.

И это возвращение к его происхождению не просто символизм; это также вопрос из непосредственного опыта, потому что движение между нашим старым миром и его антиподами, между здесь и за его пределами, это делается вдоль дороги с двойным движением. Драгоценные камни, по например, они приходят с дальновидного неба души, но они также могут нести душу вернись в это небо. Созерцая их, мужчины чувствуют себя буквально перенесенными, Унесенные в эту другую страну платонического диалога, в заколдованный уголок, где каждый галька-драгоценный камень. И подобные эффекты могут быть произведены артефактами из стекла или металла, лампы, светящиеся в темноте, изображения и цветные украшения яркие цветы, ракушки и перья или панорамы, видимые в преображающем свете

Аврора или сумерки, как Шелли видел Венецию, с вершины евгенических гор.

На самом деле, мы можем рискнуть обобщением и сказать, что все, что в природа или произведение искусства напоминает об этих чрезвычайно ценных предметах, наделенных внутренний свет, обнаруженный в антиподах ума, способен вызывать, хотя и в только частичный и смягченный, дальновидный опыт. Что касается этого, гипнотизер нас он скажет, что если пациента можно побудить к неподвижному и пристальному обращению с объектом блестяще, вы можете войти в транс. И что, входит ли он в транс или просто погружается в гипнотическом сне вы будете прекрасно способны видеть внутренние видения, и в первом случае, видеть преображенный внешний мир.

Но, как и почему вид яркого объекта будет вызвать транс или состояние мечтательности? Это будет так, как утверждали викторианцы, простой вопрос усталости глаз, из-за которого может возникнуть нервное истощение обобщенный? Или будет разумнее объяснить это явление чисто психологи говорят, что

концентрация, ведущая к моноидеизму, заканчивается производить диссоциацию?

Однако есть еще третья гипотеза: яркие объекты могут напоминать наше бессознательное видения, которыми он наслаждается в антиподах разума, и эти темные намеки на жизнь в ином мире настолько увлекательны, что мы стали давать меньше внимание к этому миру и, таким образом, мы становимся способными осознанно переживать, то, что в бессознательном никогда не покидает нас.

Таким образом, мы видим, что в природе есть определенные сцены, определенные классы объектов, определенные вещества, обладающие способностью переносить наш разум к своим антиподам, к вдали от Здесь каждого дня, проводя ее в другой мир видения. Элементарно идентичный, в сфере искусства мы находим определенные произведения и даже определенные жанры произведений в что проявляется та же сила, которая захватывает разум наблюдателя. Эти работы провоцирующие видения могли быть выполнены с уже производящими себя веществами например, стекла, металлов, камней или их имитаций, или же они должны его способность представлять, особенно выразительно, объект или сцену, которая иметь такой колледж. Работы, которые закрывают большую транспортную мощность, выполняются существами, которые уже обладают дальновидным опытом, хотя это возможно что достаточно хорошие художники, следуя уже освященной формуле, создают произведения, которые прекратите хоть какую-то силу.

Из всех искусств, умилостивляющих видения, те, которые в наибольшей степени зависят от их сырьем, несомненно, являются ювелирное дело и ювелирные изделия. Полированные металлы и драгоценные камни настолько по своей сути восхитительны, что даже викторианец, даже модернистский ювелир, они мастера экстаза. И когда к этому естественному очарованию сверкающий металл и сверкающие камни добавляют волшебство возвышенных форм и из искусно подобранных цветов мы оказываемся в присутствии подлинного талисман.

Религиозное искусство всегда и везде использовало эти умилостивляющие предметы видение. Золотая святыня, хризелефантиновая статуя, символ или изображение из камней, сияющие облачения жертвенника-это вещи, которые мы находим так много в Современная Европа, как в Древнем Египте, в Индии, как в Китае, среди греков, Инки или ацтеки.

Изделия ювелирного магазина по своей сути вдохновляют. Имеют свое место в суть каждой тайны, во всем святом. Этот литургический ювелирный магазин всегда был связано со светом ламп и свечей. Для Иезекииля драгоценный камень был огненным камнем;

в свою очередь, пламя-это живой драгоценный камень, наделенный всей восхитительной силой, которая он относится к драгоценному камню и, в меньшей степени, к полированному металлу. Эта транспортная сила пламя увеличивается в соотношении глубины и темноты, которая его окружает. Храм более глубоко вдохновляют пещеры сумеречного света, где несколько свечи оживляют восхитительные драгоценности алтаря.

Нельзя сказать, что как производитель видения стекло менее эффективно что природные драгоценные камни. На самом деле, в некоторых отношениях он еще более эффективен, просто причина быть более многочисленной, чем последние. Благодаря стеклу, целый здание, такое как Сент-Шапель и соборы Шартра и Санса, может быть превратился в мир энлево и экстаза. Именно стекло позволило Паоло Уччелло строит круглый драгоценный камень диаметром четыре метра — его грандиозный витраж Воскресения, пожалуй, самое необычное из восторженных произведений искусства производить.

Нет сомнений в том, что для людей Средневековья дальновидный опыт это имело первостепенное значение. И она была настолько ценна, что они, не колеблясь, платили ей с трудом заработанные деньги. В XII веке в церквях были установлены ящики для сбора для установки и сохранения цветных витражей. Сугер, аббат Сен-Дени, скажи нам, что они всегда были переполнены.

Но от уважающих себя художников нельзя ожидать, что они будут продолжать повторяя то, что его родители уже сделали с высшим совершенством. В XIV веке цвет он уступил свое место седым, и витражи утратили способность умилостивлять видения. Когда в конце следующего столетия цвет снова стал преобладать, художники в у стекла было желание — и для этого они были технически подготовлены-подражать живопись эпохи Возрождения, но на этот раз в прозрачном стекле. Результаты были очень интересно, но его работы не были захватывающими.

Затем пришла Реформация. Протестанты не одобряли дальновидный опыт и они приписывали печатному слову магическую добродетель. В храме с ясными окнами верующие могли читать свои Библии и молитвенники, не испытывая соблазна убежать от проповедь, в другой мир. С католической стороны люди Контрреформации оказались руки с двумя идеями: они создают, что дальновидный опыт был хорошей вещью, но, с другой стороны, они также верили в высшую ценность прессы.

В новых церквях редко устанавливались цветные витражи, и во многих старые храмы заменяли их частично или полностью белым стеклом. Свет он позволял верующим следить за служением в своих книгах, в то же время это позволяло им созерцать восхитительные произведения, созданные новыми поколениями скульпторы и архитекторы в стиле барокко. Эти изделия были выполнены из металла и камня полированный. Куда бы ни повернулся верный, он найдет свет бронзы, мягкий блеск цветного мрамора или внеземная белизна скульптуры.

В редких случаях, когда прокуроры Контрреформации использовали стекло, он выступал в качестве замены алмаза, а не рубинов и сапфиров. Граненый Кристалл он вошел в религиозное искусство в XVII веке, а в католических церквях дошел до наших дней в виде многочисленных лампадариев. (Эти очаровательные и слегка украшенные украшения нелепые являются одними из очень немногих умиротворяющих уловок видений, разрешенных ислам. В мечетях нет изображений или реликвариев, но, тем не менее, их аскетизм иногда смягчается на Ближнем Востоке широким мерцанием кристаллы рококо.)

Из стекла, окрашенного или ограненного, перейдем к мрамору и другим камням, которые

они допускают высокую полировку и могут использоваться в больших количествах. Очарование оказываемые такими камнями могут быть измерены временем и трудом, затраченным на их получение. В Баальбеке,* например, а также триста или четыреста километры дальше вглубь страны, в Пальмире, мы находим среди руин колонны Асуанский розовый гранит. Эти большие монолиты были добыты в Верхнем Египте, переправленные вниз по Нилу на баржах, они пересекли Средиземное море до Библоса или Триполиса и с тех пор их тащили волы, мулы и люди в гору, даже fíom S и оттуда на юг, до Баальбека, или на восток, через

пустыню, до Пальмиры.

Какая работа гигантов! И, с утилитарной точки зрения, как чудесно пусто! Но очевидно, что она должна иметь цель-цель, установленную в область, которая была за пределами простой полезности. Полированные, пока они не приобретут блеск видения,, розовые колонны провозглашали его видимое родство с потусторонним миром. За счет огромные усилия, люди перевезли их со своих месторождений в Тропике Рак; и теперь, в качестве награды, камни перевозили его перевозчики по пути антиподов разума.

* Древний Гелиополис. Сегодня известный своими руинами, он расположен в плодородной долине у подножия Антиливана, примерно в шестидесяти километрах от Дамаска. Дважды разграбленный-по арабы в 748 году и Тамерлан в 1401 году были полностью разрушены в 1759 году землетрясение.

Возникает вопрос о полезности и мотивах, лежащих за пределами утилитаризма, опять же, в отношении керамики. Немногие вещи более полезны, больше абсолютно незаменимы, чем банки, тарелки и кувшины. Но в то же время, немногие люди меньше заботятся о полезности вещей, чем коллекционеры фарфора и глазурованной глины. Сказать, что эти люди жаждут красота не является удовлетворительным объяснением. Неизменное уродство мест, где они так часто находят красивые керамические изделия, что является достаточным доказательством того, что стремление этих коллекционеров не в прекрасном во всех его проявлениях, но только в особом жанре красоты-грация отражений криволинейных поверхностей, от мягкого блеска глазурованной глины, от светлых и полированных поверхностей. В других слова: красота, которая несет в себе тех, кто наблюдает за ней, потому что она напоминает ему, подразумевается или явно яркость и претернатурные цвета потустороннего мира. Прежде всего, искусство Гончара-это многовековое ремесло; но в то же время это искусство, к которому его бесчисленные культы посвятили себя с почти боготворящим уважением. Однако из время от времени ее ставят на службу религии. Давайте найдем плитки в мечетях и, кое-где, в христианских церквях. Из Китая к нам приходят светлые фотографии керамика с изображением богов и святых. В Италии Лука Делия Роббиа создала небо стеклянный Анил для его блестящих и ровных Мадонн и мальчиков-богов. Обожженная глина дешевле, чем мрамор, и, если его удобно обрабатывать, почти так же восхитительно.

Платон и — во время более позднего расцвета религиозного искусства-Святой Фома Аквинский утверждал, что яркие и чистые цвета являются частью истинной сущности художественная красота. Матисс в этом случае должен по своей сути превосходить Гойя или Рембрандт. Достаточно перевести абстракции философа в термины и будет обнаружено, что эта общая формула красоты с помощью чистых цветов и яркий абсурд.

Но, несмотря на несостоятельность в том виде, в каком она была изложена, венеранда теория не полностью лишен основания. Чистые и яркие цвета характерны для Другой Мир. В результате произведения искусства, написанные таким образом, подвержены благоприятные обстоятельства, переносящие в сторону своих антиподов разум того, кто

наблюдать. Чистые и яркие цвета не являются частью сущности красоты, по смыслу вообще этого слова, и да, только особого вида красоты-визионер. Готические церкви и греческие храмы, сооружения XIII века нашей эры и v век до н. э., все они были ярко окрашены. Для греков, а также для мужчины Средневековья, это искусство ярмарки образцов и музея восковых фигур было, очевидно, восхитительно. Для нас это кажется плачевным. Мы предпочитаем наши Чистые праксители, наши мраморы и известняки AII naturel. Почему будет наш вкус быть настолько отличным в этом отношении от наших предков? Причина, я считаю, в том, что потому что мы слишком привыкли к чистым и ярким пигментам, чтобы мы позволим им произвести впечатление. Мы восхищаемся ими, естественно, когда видим их в грандиозное или тонкое произведение. Но они сами по себе больше не уводят нас.

Саудовцы жалуются на однообразие цветов наших дней и прослеживают параллель, которая нам неблагоприятна, с радостным блеском древнего времени. Но в на самом деле, в современном мире гораздо больше красок, чем в старом. О лазурит и Тирский пурпур были драгоценными раритетами; богатый бархат и парча из княжеских гардеробов тканые или вышитые гобелены средневековых времен и с самого начала нашей эры они были ограничены меньшинством привилегированных.

Даже великие на Земле имели лишь значительно уменьшенное количество этих восхитительных сокровищ. Еще в XVII веке у

монархов было так мало мебель, которая должна была путешествовать из одного дворца в другой, за которой следовали телеги, заполненные посуда, постельное белье, ковры и шторы. Большая масса населения располагала только ткани, сотканной в домашних условиях, и нескольких растительных красителей; для внутреннего украшения их дома должны были довольствоваться, в лучшем случае, цветами, которые дала им земля, но, как правило,“пол был из кладки, а стены-из стерео”.

В антиподах разума каждого лежал потусторонний мир, где свет и цвета они были инопланетянами, были идеальные драгоценные камни и нереальное золото. Но перед каждой парой глаз, возникала только черная нищета тополя, которая служила ему домом, пыль или грязь деревенская улица, грязно-белая, выцветшая и грязная зелень андраджосской одежды. Отсюда эта лихорадочная, почти отчаянная жажда чистых и ярких цветов, а также жестокого эффект, производимый ими всякий раз, когда они появлялись в храме или при дворе. Сегодня в настоящее время химическая промышленность производит краски и красители бесконечного разнообразия и в большое изобилие. В современном мире достаточно ярких цветов, чтобы Moderna разрешить создание миллиардов цветных стримеров и журналов; из миллионов знаков движение; от задних фонарей, пожарных машин и компаний по производству безалкогольных напитков до сотни тысяч; ковры, обои и абстрактное искусство в милях квадратный.

Знакомство приносит с собой безразличие. Мы уже видим чистые и яркие цвета в слишком много в американских магазинах, чтобы мы находили их по своей сути восхитительными. Е, на этом этапе мы должны отметить, что с его поразительной способностью обеспечить максимум ваших лучших творений, современные технологии Moderna tending обесценивать производителей традиционных экстазов. Освещение города, например, когда - то это было редкое событие, предназначенное для побед и вечеринок канонизация святых и коронация королей. Сегодня она обрабатывает все ночи и празднует достоинства марок сигарет, напитков и зубных паст.

В Лондоне полвека назад светящиеся буквы проецируются на небо. они были новинкой, и они были настолько редки, что они разорвали мантию ночи ” какие камни декорации”. С другого берега Темзы, в старой башне выстрелов, золотые буквы и рубры были очаровательно прекрасны-феери. Сегодня больше нет чар. О

неон повсюду и, следовательно, потерял свое влияние на нас, кроме, возможно, чтобы мы помнили, скучающие по ночам антанхо.

Только в свете отражателей вещи приобретают ту экстерренную ценность, которая, в эпоху свечи и свечи, или даже в эпоху газа и угольной лампы, он исходил почти от любого острова света, который рос в бесконечной тьме. Ударить по отражателям, Римский Форум или Нотр-Дам де Пари-фантастические формы, которые у них есть сила перенести разум тех, кто наблюдает за ними, в потусторонний мир. 3

Moderna Technology имеет, о стекле и полированных металлах, то же самое уже упомянутый девальвирующий эффект в отношении освещения и чистых и ярких цветов. Иоанн Патмосский и его современники могли представить стеклянные стены только в Нове Иерусалим. В настоящее время они являются обычным явлением в любом здании современные офисы или Moderna дома. И это изобилие стекла сопровождалось, pari passu, для идентичного обилия хромированных и никелированных, алюминия и стали нержавеющий, без-числа сплавов, новых и старых. Металлические поверхности мигают для нас в ванных комнатах, они сияют в кухонной раковине, они выходят фальшивыми, дорога за, в автомобилях и поездах.

3. См. приложение III

Эти роскошные отражения выпуклых поверхностей, которые так очаровывали Рембрандт, до такой степени, что он никогда не устанет изображать их в своих картинах, сегодня банальные вещи в доме, на улице и на заводе. Исчезла утонченность необычного удовольствия. То, что когда-то было выдающимся провидцем, теперь превращен в кусок линолеума.

До сих пор я имел дело только с объектами, способствующими виденият, и с их психологическая девальвация, производимая moderna Technology. Это время теперь мы ценим чисто художественные приемы, с помощью которых они были созданы произведения искусства этого жанра.

Свет и цвет имеют тенденцию приобретать внеземные характеристики, если смотреть на середина тьмы. Распятие Фра Анжелико, сохранившееся в Лувре, имеет черный фон. То же

самое и с фресками страсти, написанными Андреа dei Castagno для монахинь святой Аполлонии во Флоренции. Отсюда и дальновидная ценность, странная широкая сила этих необыкновенных произведений. В художественной модальности и совершенно разнообразный психологический, тот же прием был использован Гойей в его офорты. Эти крылатые люди, эта лошадь, балансирующая на веревке, огромная и ужасное воплощение ужаса - все усилено, как будто освещено отражателями, на фоне непроницаемой черноты.

С созданием техники светотени в XVI и XVII веках ночь оставил фон и поселился в кадре, который стал сценой своего рода манихейская борьба между Светом и тенью. В то время, когда они были нарисованы, эти работы, должно быть, обладали большой огромной силой. Для нас, которые уже видели большое количество произведений такого рода, большинство из них кажутся нам только театральными. Но немногие, такие как погребение Караваджо, добрая дюжина волшебные картины Жоржа де Латура 4 и все эти провидцы Рембрандты, в которых света имеют интенсивность и выражение зарева антиподов разума, в котором тени беременны потенциальностью, ожидая, когда они станут реальными, если они замечены нашим сознанием, мы бы сказали, что некоторые из них все еще сохраняют свое очарование.

В большинстве случаев якобы мотив картин Рембрандта убирается

из реальной жизни или из Библии-мальчик, изучающий или купающийся в Вифсабе; женщина вброд болото или Христос перед своими судьями. Но вместо этого эти послания из потустороннего мира передаются через персонажа, который не был взято из повседневной жизни или истории, но из царства символов бессознательного. В Лувре есть Méài-tation du philosophe [медитация фдософа], чей мотив символическим является не что иное, как человеческий разум с его обильной тьмой, его моменты интеллектуального и дальновидного свечения, его таинственные винтовые лестницы, которые они направляются вверх или вниз в неизвестность. Вот медитативный фсософ, сидя на своем внутреннем острове света. На противоположной стороне символической комнаты, на другом острове более розовая, старая женщина кланяется перед Землей; пламя освещает ее лицо и трансфигурация. И мы можем оценить, прекрасно

иллюстрированный, невозможный парадокс и высшая истина: восприятие (или, по крайней мере, может, должно быть) таким же, как Откровение; реальность пересчитывает от каждого условия, единство полно, бесконечно присутствует во всем, что является частным.

4. См. приложение IV.

В паре с претернатуральными огнями и цветами, с драгоценными камнями и с формами постоянно меняющиеся посетители антиподов разума открывают для себя мир возвышенно красивые панорамы живой архитектуры и героических фигур.

Широкая сила многих произведений искусства может быть объяснена тем фактом, что его создатели рисовали сцены, людей и предметы, которые напоминают им, кому они изучите то, что он сознательно или бессознательно знает о другом Мир антиподов вашего собственного разума.

Начнем с человеческих (или, скорее, более человеческих) обитателей этих отдаленные регионы. Блейк назвал их херувимами. И, по сути, это то, чем они являются - психологическое происхождение этих существ, которые в теологии каждой религии служат посредники между человеком и безмятежным светом. Эти более чем человеческие персонажи дальновидный опыт никогда не"что-то делает". (Также блаженные никогда "они что-то делают" на небесах. Они просто довольствуются существованием.

Эти героические фигуры из дальновидных переживаний человека появились в религиозное искусство всех культур, под разными названиями и с самыми разными внешность. Иногда они изображаются в состоянии покоя; другие, практикующие исторические действия или мифологические. Но действие, как мы уже видели, не основывается на обитателях антиподов ум. Работа-это закон нашего существования. Их закон-ничего не делать. Когда мы заставляем эти безмятежные персонажи играют роль в одном из наших очень гуманных драмы, мы фальсифицируем дальновидную правду. Вот почему большинство восхитительные (хотя и не обязательно самые красивые) образы Херувимов те, которые показывают их такими, какие они есть в их среде обитания-ничего не делая.

И это создает подавляющее впечатление, а не просто эстетическое, вызывается у зрителя грандиозными статичными

шедеврами религиозного искусства. As резные фигуры божеств и священных правителей Египта; Мадонны и Создатели византийской мозаики; Бодхисаттвы и Лоханы Китая; Будды сидящие, кхмерские; колонны и статуи Копана*; деревянные идолы Африки Тропические, у всех есть одна общая черта-глубокая неподвижность. И это именно это придает им их вдохновляющее качество, их способность нести наблюдатель из старого мира повседневного опыта; далеко за пределами, в направление дальновидных антиподов человеческой психики.

И очевидно, что в статическом искусстве нет внутренней добродетели: статической или динамической,

посредственная работа всегда будет посредственной. Но при условии равенства условий другие элементы двух работ, которые содержат героическую фигуру в покое, будут иметь большая широкая сила, чем другая, в которой персонаж представлен в действии.

Херувим живет в Раю и Новом Иерусалиме-другими словами, в среди потрясающих зданий, расположенных среди великолепных и великолепных садов, с fimdo равнины и горы, реки и море. Это вопрос непосредственного опыта, психологический факт, обнаруженный в фольклоре и религиозной литературе всех эпохи и страны. Однако в изобразительном искусстве его не было.

* Древний город Гондурас, ныне в руинах, на реке Копан, где они существуют известные археологические памятники индийского происхождения.

Рассматривая эволюцию человеческих культур, Мы пришли к выводу, что ландшафтный дизайн у одних просто не существовал, у других рудиментарный и, наконец, это недавнее создание в других более. В Европе он только достиг своего полного развитие как искусство около четырех или пяти веков назад; в Китае существует не более одного тысячелетие; в Индии практически никогда.

Это любопытный факт, который заслуживает объяснения. Почему был бы пейзаж найти логово в дальновидной литературе определенных эпох и культур, но не в его картине? Таким образом, проблема решается сама собой: существа они могут довольствоваться простым вербалистическим выражением этого

аспекта своего опыта дальновидный и не чувствую необходимости в его интерпретации в изобразительных терминах.

То, что это часто случается с людьми, не вызывает сомнений. Блейк, например, он видел визионерские пейзажи ” совершенства, которое выходит за рамки всего, что Смертная и преходящая природа может производить бесконечно более совершенное “и” и все, что когда-либо видели человеческие глаза”. Вот описание из этой дальновидной панорамы, сделанной Блейком на одной из домашних встреч миссис Адерс.: “На днях поздно вечером, гуляя пешком, я вышел на луг и увидел, в его углу больше всего прочь, загон для овец. На более близком плане Земля была покрыта цветы; и загон, усыпанный тростником, и его шерстистые жильцы владели странная пасторальная красота. Но когда я снова посмотрел, уже не было живого стада, и да красивые скульптуры”.

Представленное с помощью красок, это видение, я думаю, могло бы напомнить неисчерпаемая красота одного из самых энергичных масляных эскизов констебля, который он представляет собой животное в волшебном реалистическом стиле барана aureolado из Сурбарана, сегодня выставлен в музее Сан-Диего. Но Блейк никогда не производил ничего, что, даже издалека вспомните такую картину.

Он был доволен тем, что говорил и писал о панорамах, которые он разделял на своих видения и сосредоточиться на своих рисунках херувима.

То, что верно для художника, индивидуально, может быть верно для целая школа. Есть бесчисленное множество вещей, которые человек, несмотря на переживание, не выбирает для представления; с другой стороны, есть вещи, которые, будучи испытанными, он он пытается выразить с помощью только одного из своих искусств. В других случаях он он будет выражаться способами, которые не имеют непосредственного сходства отождествляется с оригинальным опытом. В этом последнем аспекте доктор А. К. Кумарасвами имеет интересные наблюдения относительно мистического искусства крайности Ориентация - та, в которой “символы и значения вещей не могут быть разделенные ” и “не проводится различия между “существованием”и” смыслом “вещи”.

Высшим примером этого мистического искусства является

ландшафтный дизайн в стиле дзен, который он возник в Китае во время Второй династии Сун и возродился в Японии четыре века позже. Индия и Ближний Восток не знают мистического озеленения, хотя “в Индии живопись, поэзия и музыка восхваляют Вишну, в котором тема-сексуальная любовь; суфийская поэзия и музыка в Персии, посвящается удовольствиям пьянства ” 5 .

“Кровать”, как его живописно определяет итальянская поговорка, ” это опера бедняков.” Точно так же секс-это озеленение индуса; вино, персидский импрессионизм. Е это, конечно, потому, что опыт сексуального Союза и пьянства наслаждается этого существенного многообразия, характерного для всех взглядов, в том числе и для пейзаж.

5. Кумарасвами, он же трансформация, с которой мирится инарт, стр. 40.

Если в определенное время человек находил удовлетворение в определенной деятельности, то это предполагается, что к тому времени должно было быть что-то еще, что могло бы заменить его. В Средние века, например, у мужчин было навязчивое беспокойство, почти маньяк, для слов и символов. Все, что в природе, было немедленно рассматривается как конкретная иллюстрация того или иного понятия, сформулированного в одной из книг или легенды считаются священными по текущему мнению.

Однако в другие периоды истории человек обнаружил глубокую удовлетворение признанием автономного разнообразия природы, в том числе многих аспекты человеческого качества. Проявление этого разнообразия выражалось в термины искусства, религии или науки. Какими были бы средневековые эквиваленты констебля и экология, наблюдение за птицами и Элевсинцами*, микроскопия и microscopia Диониса и японского хайку? Думаю, их можно найти на одном конце масштаб, в Сатурналах и, с другой стороны, в мистицизме. Карнавалы, весенние праздники, балы-маскарады-это вещи, которые позволяют прямо увидеть разнообразие животное, лежащее в основе индивидуальной и социальной личности. Вдохновенное созерцание раскрывает противоположная крайность этого разнообразия возвышенной деперсонализации. И где-то между эти две крайности лежат в основе опыта провидцев и умилостивляющих искусств видения, с помощью которых человек стремится возобновить и восстановить эти переживания — искусство ювелир, изготовитель покрашенного стекла, tapeceiro, художник, поэт и музыкант.

* Элевсинские или Элевсинские праздники, на которых совершались мистерии Деметрий и Персефона в греческом городе Элевсин, недалеко от Афин.

Несмотря на естественную историю, которая представляет собой не что иное, как совокупность монотонно моралистические символы под игом теологии, которая вместо того, чтобы смотреть слова как представление вещей, рассматривали эти вещи и факты как библейские и аристотелевские слова, несмотря на все наши предки оставались относительно здоровыми. И это стало возможным благодаря побегу периодический к удушающему аресту его самонадеянной рационалистической фдософии, его науки антропоморфный, авторитарный и неэкспериментальный, своей слишком жесткой религии, в невербалистические, нечеловеческие миры, населенные их инстинктами, фауной провидец антиподов их умов и-за его пределами, хотя все еще включен в это тотальность-благодаря внутреннему духу.

Но вернемся к этому обширному, но необходимому отступлению для конкретного случая к чему мы стремились. Пейзажи, как мы уже видели, являются нормальной составляющей дальновидный опыт. В древней литературе, как народной, так и религиозной, мы находим описания визионерских ландшафтов; но ландшафтный дизайн появился только в то время

относительно недавно. К тому, что было сказано, к объяснению, об эквивалентах я хочу добавить несколько замечаний относительно природы ландшафтный дизайн как искусство, способствующее видению.

Начнем с того, что зададим вопрос: какие панорамы — или, для использовать более общие термины, какие представления о природных объектах-которые более широкие, более внутренне стимулирующие видения? В свете моего собственный опыт и то, что я слышал от других людей об их реакции на из произведений искусства я постараюсь ответить на него. Допущена предпосылка, что существует идентичность среди всех других условий (ибо ничто не может восполнить недостаток таланта художник), самые восторженные картины-это, прежде всего, те, которые изображают объекты и, во-вторых, те, которые воспроизводят их довольно близко к мы.

Расстояние вводит очарование в ландшафт, и другой путь

достигнуть его с окрестности. Пейзаж Сун, состоящий из далеких гор, облаков и потоков, - это восхитительно, но то же самое происходит с грандиозным планом * тропических листьев в лесах Руссо таможенник. Когда я исследую пейзаж сена, я вспоминаю (или о моих деперсонализациях вспоминается) о падениях, о бесконечных равнины, светлые небеса и моря антиподов разума. Также то, что ускользает в тумане и облаках, это внезапное появление странных форм, интенсивно определенные-будь то изношенная скала или старая сосна, скрученная годами борьбы против ветров — это тоже восхитительные вещи, потому что они напоминают мне, сознательно или неосознанно существенная уникальность и тайна другого Мир.

То же самое происходит с большими планами. Я смотрю на эти листья, с их контекст ребер, их полос и их конструкций; я созерцаю замысловатость этого переплетенный зеленью, и что-то внутри меня напоминает мне о тех живых рисунках, так характерные для мира видений, в этой бесконечной последовательности геометрических фигур прорастать и размножаться, превращаться в предметы, из вещей, которые превращаются беспомощно в других.

Потусторонний мир по одному из своих аспектов напоминает эту картину в большой план леса, и поэтому он переносит меня и заставляет меня видеть произведение искусства преобразить себя во что — то большее-во что-то помимо искусства.

*При переводе крупным планом предпочтение отдавалось выражению большой плоскости, уже освященный среди наших техников кино, и это потому, что крупный план-это технический термин циематографическое искусство.

Помню — и как остро, хотя это прошло много лет назад - из моего разговора с Роджером Фраем. Мы говорили о кувшинках Моне. Они не имели права, — настаивал Роджер — - быть такими ужасными неупорядоченные, так лишенные адекватного плана композиции. Находиться совершенно неправильно, с художественной точки зрения. И все же он обнаружил, что вынужден признать, и все же… И все же, я должен добавить сейчас, они были восхитительными. Художник ужасающей виртуозности решил нарисовать грандиозный-план естественные вещи, рассматриваемые в присущей им призме, без ссылки на просто человеческие понятия — ” Что такое или что должно быть?”. Мужчина — мы любим говорить — это параметр всех вещей. Но для Моне в этом случае, кувшинки были параметром

самих себя; и поэтому он их нарисовал.

Такая же нечеловеческая точка зрения должна быть принята любым художником, который

попробуйте воспроизвести удаленные сцены. Насколько малы в китайских картинах путешественники, которые пересекают долины! Насколько хрупка бамбуковая тополь на склоне холма, что Господи! А все остальное в огромном ландшафте-просто пустота и тишина. Это откровение одиночество, ведущее собственную жизнь по законам собственного существования, несет в себе лжет своим антиподам. Ибо первобытная природа имеет странное сходство с этим внутренним миром, где наши личные желания не принимаются во внимание ни рассматриваются постоянные заботы человека в целом.

Только средний план и то, что мы могли бы назвать средним передним планом они строго человеческие. Когда мы смотрим слишком близко или слишком далеко, или человек полностью исчезает или теряет свое первенство. Астроном смотрит на больше далеко, хотя художник Сун; и видит еще меньше человеческой жизни. На противоположной стороне шкалы с расстояний физиолог, химик, физик ищут детали-большие-плоскость клетки, молекулы, атома и субатома. От того, что в шести метрах, или даже на расстоянии вытянутой руки он выглядел как человек, больше ничего не осталось.

Нечто подобное происходит с недальновидным художником и счастливым влюбленным. В амплексе брачный, личности сливаются; индивидуум (это тема, которая повторяется в стихи и романы Лоуренса) перестает быть самим собой и становится частью обширного безличная Вселенная.

Так происходит с художником, который решает сфокусировать свой взгляд ближе. В вашем труд, человечество теряет свое значение, оно полностью исчезает. Взамен наслаждаясь мужчин и женщин, чтобы разыграть свои гротескные пьесы перед величием неба, нас призывают созерцать лилии, размышлять о внеземной красоте простых вещи, когда они отделены от их утилитарного аспекта и представлены такими, какие они есть — в и сами по себе. Altemative (или только на ранней стадии разработки художественный) нечеловеческий мир грандиозного плана воспроизводится в рисунках. Этот рисунки взяты, по большей

части, из листьев и цветов-розы, лотоса, акант, пальма, папирус-и превращаются с повторениями и вариациями во что-то восхитительно запоминающиеся анимированные геометрические формы потустороннего мира.

Более свободные и более реалистические методы, используемые в представлении Природа на небольшом расстоянии, возникла относительно недавно, хотя и довольно раньше, чем в начале представляет-1 собака из отдаленных сценариев, и это (ошибочно) единственное, что мы называем ландшафтным дизайном. В Риме, например, есть пейзажи

в большой плоскости. Фреска сада, который когда-то служил адомо деревни Ливия, это великолепный пример этого вида искусства.

По богословским причинам Ислам должен был в значительной степени довольствоваться арабески-пышные, непрерывно меняющиеся рисунки (как в видениях) на основе естественных моделей, видимых очень близко. Но даже в Исламе подлинная пейзаж в большом плане не был неизвестен. Ничто не может превзойти по красоте и в широкой силе мозаики садов и зданий Великой мечети Омайяд в Дамаске.

В Средневековой Европе, несмотря на доминирующую одержимость преобразованием каждого факта в концепции и каждый непосредственный опыт в простом символе чего-то, что книги они содержали довольно часто большие-реалистичные планы листвы и цветов. Мы видим, как они вырезаны в готических колоннах, как и в Капитулярном доме Саутвеллский собор. Мы нашли их в охотничьих картинах, картинах, предметом которых был эта вещь, которая всегда присутствует в средневековой жизни-лес-рассматривается как охотник или бродячий путешественник видит ее со всем ее сложным клубком листвы

тщательно представлен.

Фрески Папского дворца в Авиньоне практически единственные остатки светской формы искусства, которая даже во времена Чосера была широко практикуется. Спустя столетие этот вид живописи пришел к вершина его совершенства в произведениях великолепия и очарования Святого Умберто из Пизанелло и охота

в лесу Паоло Уччелло, сегодня в Музей Ашмола в Оксфорде. Гобелены, с которыми люди больших владений в Северной Европе они украшали свои резиденции, а также тесно связаны с фресками лесов, видимых в большом плане. Среди лучшие экземпляры таких гобеленов мы найдем произведения силы действительно замечательный транспорт. По-своему они такие небесные, такие могущественные. воспоминания о антиподах разума как о великих шедеврах квинтэссенции ландшафтный дизайн - горы Сун в их неизмеримом одиночестве; реки мин, несравненно красивый; голубоватый субальпийский мир, увиденный Тицианом издалека; в Англия констебля; Италия Тумера и Коро; Прованс Сезанна и Вана Гог; Иль-де-Франс, де Сислей и Де Вюйяр.

Говоря о Вюйяре, он был мастером, чьи работы были восхитительными, независимо от того, он имел дело с большими планами или далекими панорамами. Его буржуазные интерьеры были шедевры умилостивляющего видения искусства, по сравнению с которыми произведения провидцы размером с Блейка и Одилона Редона выглядят чрезвычайно непоследовательный. В интерьерах Вюйяра каждая деталь, тривиальная или даже ужасно, что это могло быть-дизайн викторианских обоев, бибело модернистский, брюссельский ковер-видно и воспроизводится какой живой драгоценный камень; и все эти ювелирные изделия гармонично сочетаются в единое целое, которое является новым ювелирным изделием, имеющим большую ценность высоко в своей дальновидной интенсивности. И, когда самые зажиточные члены класса средний Новый Иерусалим Вюйяра выезжают на прогулку, не собираются, как можно было бы предположить, к отделу Сены и УАЗы, и к Эдемскому саду, к другому миру, который в глубине души он все еще идентичен этому, но, поскольку он преображен, он восхищает 6 .

До этого момента я только посвятил себя блаженному провидческому опыту, его интерпретация с точки зрения теологии и его перевод в искусство. Но не всегда это опыт небесный. Иногда она ужасна. Есть ад так же, как есть небо.

6. См. Приложение V

Как и этот, провидческий ад обладает своим претематическим светом и ценностью. Но его значение по своей сути пугает, а свет-это “дымящийся свет” книги тибетец мертвых,” видимая тьма ” Мильтона. В журнале dune schizophrène [Дневник шизофреника]

7, автобиографический отчет о кончине молодой женщины из-за безумия мир шизофреника называется lêpays d'éclairement — " страна освещение". Это имя, которое мистик мог бы выбрать для обозначения ваш рай.

Но для бедной Рене-жертвы шизофрении-просветление адское: интенсивная электрическая вспышка без тени, вездесущая и неумолимая. Все, что для провидец здравомыслящий, это источник радости, приносит Рене так-только страх и Тетрик чувство нереальности. Солнце было злым; блеск полированных поверхностей не предлагает драгоценные камни, да, машины и эмалированные пластины; интенсивность существования, которая оживляет каждый объект, при внимательном рассмотрении и абстрагировании его утилитарный аспект ощущается как угроза.

И еще есть бесконечный ужас. Для провидца здравомыслящего, восприятие бесконечности в конкретное конечное-это откровение возвышенной имманентности; для Рене это было доказательство того, что она называет системой-огромным космическим механизмом, который существует только для того, чтобы произвести преступление и наказание, одиночество и нереальность 8 .

7. Séchéhaye, M. A. Journal dune schizophrène. Париж, 1950.

8. См. приложение VI.

Здравомыслие - это вопрос градации, и существует большое количество провидцы, которые видят мир таким, каким его видела Рене, но, несмотря на это, могут жить вне приютов. Как и позитивные провидцы, они также видят Вселенную преображен — но к худшему. Все в нем, от звезд, на небе, до пыли под ногами, есть невыразимо зловещий и отвратительный; каждое событие наполнено ненавистью, каждое объект обвиняет в наличии бесконечного, всемогущего, вечного внутреннего ужаса.

Этот негативно преображенный мир может проникать время от времени в времена, в литературе и искусстве. Он искажает и угрожает через последние пейзажи Ван Гога; это была картина и тема всех сказок Кафки; это был духовный дом Жерико, 9 был заселен Гойей в годы его глухоты и одиночества; это было интервью Браунинга при написании Чайльда Роланда; он занял свое место перед Феофанией в романы Чарльза Уильяма С.

За негативным визионерским опытом часто следуют ощущения тела довольно особенной и характерной природы. Счастливые видения, через правило, связанное с ощущением отделения от тела, с ощущением обезличение. (Это, несомненно, чувство, которое дает индейцам возможность практикуют культ пейота использовать препарат не только как ярлык для достижения мир видений, но также как инструмент для создания аффективной солидарности в группе участников.) Но когда дальновидные переживания ужасны и мир преображается к худшему, индивидуализация усиливается, и провидец негатив чувствует себя привязанным к телу, которое, кажется, становится все более и более плотным, более сжатый, пока он в конечном итоге не почувствует себя сведенным к состоянию замученной совести из агглютината компактной материи, не больше камня, который мог бы быть удерживается между руками.

9. См. приложение VII.

Стоит отметить, что многие из страданий, описанных в различных описаниях из ада-наказание давлением и сжатием. Грешники Данте были похоронены в грязи, заключенные в стволы деревьев, заключенные в глыбах льда, раздавленные между скалами. Ваш АД психологически правдив. Многие из его наказаний испытывают шизофреники и те, кто принимает мескалин или кислоту лизергический, при неблагоприятных условиях 10 .

Какова природа этих неблагоприятных условий? Как и почему это рай превратился в ад?

В некоторых случаях негативный дальновидный опыт является результатом причин в первую очередь физиологические. Мескалин имеет тенденцию после его приема накапливаться в печенка. Если этот орган болен, это может привести к тому, что ум почувствует себя в аду. Но что более важно с точки зрения нашего настоящего исследования, так это тот факт, что что негативный дальновидный опыт может быть произведен чисто средствами психологический. Страх и тоска преграждают путь в потусторонний небесный мир и они погружаются в ад, кто глотает наркотик.

И то, что верно для тех, кто принимает мескалин, верно и для тех, у кого есть спонтанные видения или под влиянием гипноза.

Это было основано на этом основании психология, которая подняла богословское учение о сохранении веры-это учение с которыми мы сталкиваемся во всех великих религиях мира. Эсхатологи им всегда было трудно примирить свой рационализм и мораль с реалиями жестокие психологические переживания. Как рационалисты и моралисты, они чувствуют, что хорошее поведение должно быть вознаграждено, и добродетельный заслуживает восхождения на небеса. Но, как психологи, они также знают, что добродетель не является единственным условием и не является достаточно, для счастливого дальновидного опыта. Они знают, что простые добрые дела-это и что именно вера, или доверие в любви, обеспечивает блаженство этого опыт.

10. См. приложение VIII.

Отрицательные эмоции-страх, то есть отсутствие доверия; ненависть, гнев или зло, которое устраняет любовь-приносит с собой уверенность в том, что опыт провидец, если и когда он будет произведен, он будет ужасающим.

Фарисей-добродетельный человек; но его добродетель совместимого рода с отрицательными эмоциями. Таким образом, их дальновидные переживания имеют большее значение возможности быть адскими, которые блаженны.

Природа ума такова, что грешник, который раскаивается и совершает акт веры в более высокой силе вы с большей вероятностью найдете блаженство в провидческий опыт, чем опора общества, спокойного сознания, но что таит в себе праведные возмущения, волнения, по поводу благ и амбиций материальные, укоренившиеся привычки жаловаться, презирать и осуждать. Отсюда огромный во всех основных религиях значение, придаваемое состоянию ума в данный момент смерти.

Дальновидный опыт-это не то же самое, что мистический опыт. Это если он находится за пределами сферы дуализма, в то время как тот все еще остается в своей сфере действия. Небеса связаны с адом, и “восхождение на небеса” не означает освобождения больше, чем спуск в ужас. Небо представляет собой только выгодное положение, какой высший принцип может быть оценен с большей ясностью, чем на уровне индивидуальное существование каждого дня.

Если сознание переживает смерть тела, оно должно сделать это,

вероятно, в все ментальные уровни-на мистическом опыте, на дальновидном опыте — ветреный или адский-и на уровне бытового существования.

В жизни сам провидческий опыт имеет тенденцию переворачивать свои особенности, если он сохраняется в течение очень долгого времени. Многие шизофреники у них есть периоды небесного блаженства, но они не знают их (что не бывает с тем, кто ест мескалин), когда им никогда не дадут возвращение к утешительной банальности нормального существования заставляет само небо выглядите ужасно. Но для тех, кто, независимо от причины, боится, Небеса превращаются в ад; ветер в ужасе; безмятежный свет в ненавистной вспышке земли освещения.

Нечто подобное может произойти и после смерти. После того, как он был с первого взгляда на ослепительное великолепие Абсолютной Реальности, и после того, как блуждая, из одной стороны в другую, между Раем и Адом, большинство душ в конечном итоге пусть он соберется в эту самую спокойную область ума, где это возможно. использование своих и чужих желаний, воспоминаний и пристрастий для построения мира

точно так же, как на Земле.

Только бесконечно малое меньшинство умирающих может соединиться непосредственно к божественному принципу; немногие способны выдержать добро-призрачное блаженство небес, и многие другие видят себя окутанными ужасами видения ада, от которого они больше не смогут убежать. Подавляющее большинство в конечном итоге в тип мира, описанный Сведенборгом и медиумами, и его, не вызывает сомнений, после выполнения необходимых условий он сможет перейти в другие миры дальновидное блаженство или блаженство высшего света.

На мой взгляд, как современный спиритизм, Moderna, так и древняя традиция некоторый. Существует посмертное состояние, описанное сэром Оливером Лоджем в его книге Раймонд; но есть и небо проветриваемого провидческого опыта, того же самого таким образом, ад, похожий по своей природе на ужасающий провидческий опыт, которые подвергаются шизофреникам и некоторым из тех, кто использует мескалин. Но есть еще один опыт — этот, странный — опыт объединения с возвышенным

принципом.

ПРИДАТОК

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Два других средства достижения дальновидного опыта, хотя менее эффективные, заслуживают упоминания-углекислый газ и лампа стробоскоп. Смесь (полностью нетоксичная) из семи объемов кислорода и три из углекислого газа производит, в тех, кто вдыхает его, некоторые физиологические изменения и психологические, уже исчерпывающе описанные Медуной. Среди этих изменений наиболее важным (с точки зрения нашего исследования) является резкое расширение способность “видеть вещи”, когда глаза закрываются. В некоторых случаях возникают только вихри красочных форм, а в других могут быть произведены живые воспоминания о прошлый опыт. (Отсюда ценность ССЕ как терапевтического агента.) Однако, другие пациенты могут транспортироваться углекислым газом друг к другу Мир антиподов их нормального сознания, где они будут наслаждаться краткими дальновидный опыт, полностью оторванный от ваших личных историй или проблемы человеческой расы в целом.

В свете этих фактов становится легко понять, почему упражнения дыхание йоги: систематически практикуемые, эти упражнения проводят, после определенное время, длительная приостановка дыхания. Эти остановки производят высокая концентрация ССЕ в легких и крови, что, в свою очередь, снижает эффективность мозга как редукционного клапана и обеспечивает доступ к сознанию опыт, провидческий или мистический, снаружи.

Крики и пение, непрерывные и выдвинутые, могут дать результаты подобные, хотя и менее резкие. Если они не очень хорошо работают, певцы, как правило, выдыхают больше воздуха, чем вдыхают, и, как следствие, концентрация CO 2 в легочных альвеолах и крови увеличивается, 0, который будет производить, как уже мы видели, снижение эффективности мозга, принимая возможный опыт мечтатель.

Это причина бесконечных тщетных повторений магии и религии. В углу от целителя, от колдуна, от заклинателя духов; в бесконечном пении псалмов и из сутр христианских и буддийских монахов; в криках и стонах, часами подряд, из странствующие проповедники-во всем этом разнообразии богословских верований и условностей эстетика, 0 психохимико-физиологическая цель остается постоянной: увеличить концентрация углекислого газа в организме с целью снижения эффективности редукционный клапан-0 мозг - пока он не перейдет к восприятию, биологически бесполезны, исходящие из всеведения. Вот 0, хотя проповедники, певцы и бормотание не 0 знайте, это всегда была истинная цель слов магические, литании, псалмы и сутры. “У сердца, - сказал Паскаль, - есть свои причины”. Но еще более позитивными и гораздо более сложными для расшифровки являются причины легких, крови и энзимов, нейронов и синапсов*. Путь к 0 сверхсознание проходит через подсознание, и 0 путь — или, по крайней мере, один из пути-к 0 подсознание находится в зависимости от клеточного метаболизма.

Со стробоскопической лампой мы спускаемся из химии в 0 царство еще дальше

элементарных физических явлений. Его свет ритмичных вспышек, кажется, действует прямо, через зрительный нерв, по электрическим проявлениям мозговой деятельности. (За это причина, всегда есть определенная опасность в использовании стробоскопической лампы. Некоторые люди они страдают от незначительных нарушений, не осознавая этого явными симптомами и неповторимый. Подвергаясь воздействию стробоскопической лампы, Такие люди могут страдать эпилептиформный припадок. Риск не слишком велик, но его нужно учитывать, так как вероятность его возникновения составляет один случай из восьмидесяти.)

* Точка, в которой нервный импульс проходит от аксона нейрона к дендрит другого нейрона. От мгновенного состояния синапса зависит передача или нет нервного импульса к следующему нейрону.

Сидеть со сжатыми глазами перед стробоскопической лампой-это очень любопытный и увлекательный опыт. Как только они включаются, они начинают появляться. рисунки самых ярких

цветов. Эти формы, далеко не статичные, изменяют друг друга непрерывно; доминирующий цвет является функцией частоты разряда устройства. Когда лампа мерцает с частотой от десяти до четырнадцати или пятнадцать раз в секунду преобладают оранжевый и красный. Зеленый и синий они возникают, когда частота превышает пятнадцать циклов. После восемнадцати или девятнадцати, рисунки становятся белыми и серыми. Точно не известно, почему эти формы появляются благодаря эффекту стробоскопа. Наиболее жизнеспособное объяснение было бы в условия интерференции двух или более пульсаций-вибрации лампы и различные вибрации электрической активности мозга. Эти помехи могут быть переводятся зрительным центром и зрительными нервами во что-то, что ум превращает в осознанное впечатление в виде красочных и анимированных рисунков. Намного сложнее объяснение-это факт, обнаруженный в изоляции различными экспериментаторами, о строб имеет тенденцию обогащать и усиливать видения, вызванные мескалином и лизергиновой кислотой. Вот, например, случай, о котором мне сообщил друг доктор: он принимал лизергиновую кислоту и с закрытыми глазами замечал только подвижные и красочные формы. Затем он сел перед стробоскопом. Связано с лампочка, эти геометрические фигуры сразу же превратились в то, что мой друг описал его как" японский пейзаж " несравненной красоты. Но как объяснить, что эта интерференция двух пульсаций может привести к возникновению электрические импульсы, которые будут интерпретироваться как живой японский пейзаж, самомодулированный, в отличие от всего, что пациент когда-либо видел, облученный светом и цветом претернатуральные и пропитанные претернатуральным смыслом?

Эта тайна является лишь частным случаем большей и большей тайны широкий-природа отношений между дальновидным опытом и тем, что происходит в доминирование клеток и химических и электрических явлений организма. Прикоснуться определенные области мозга с помощью тонкого электрода Пенфилд смог спровоцировать возрождение длинной серии воспоминаний, привязанных к определенному прошлому опыту. Это возрождение, помимо того, что оно было точным во всех деталях восприятия, было также сопровождается всеми эмоциями, которые были вызваны в свое время костюм. Пациент, находившийся под местной анестезией, одновременно находился в два времени и места — в операционной, в настоящее время, и в доме своего детства, тысячи километров и тысячи дней во времени. Быть — мы спросим-какая-нибудь область мозга, из

которой может быть исследован электрод снять херувима Блейка, изменчивую готическую башню Вейра Митчелла, инкрустированную блестящие драгоценности, или японский пейзаж, невыразимо красивый, увиденный моим другом? Е если, как я полагаю, дальновидные переживания проникают в наше сознание, исходя из где-то снаружи, из бесконечности всеведения, что за неврологический паттерн ad

будут ли они созданы для мозга приемника и передатчика? И что будет с таким специальный шаблон когда зрение исчезает? Почему все провидцы настаивают на невозможно повторить, хотя и отдаленно похожим образом, по форме и интенсивность, ваши преображающие переживания? Сколько вопросов и все же как мало ответов!

АППЕНДИС II

В западном мире провидцев и мистиков сегодня гораздо меньше находки того, чем они были раньше. Есть две основные причины такой ситуации — один-философский, а другой-технологический или, точнее,, химия. В нынешней картине нашей Вселенной нет места для опыта убедительные трансцендентные. Следовательно, те, кто имел опыт к этому порядку, который они считают действительным, относятся с подозрением и считаются или сумасшедшие, или мистификаторы. Больше не благородно быть мистиком или провидцем.

Но не только наш ментальный климат неблагоприятен для мистики и провидец; это также наша химическая среда-глубоко укоренившаяся среда в отличие от того, в котором жили наши предки.

Мозг химически контролируется, и опыт уже показал нам, что он он может быть проницаемым для неблагоприятных (биологически говоря) аспектов Всеведение, перед изменением нормального химического равновесия (также с точки зрения биологический вид) организма.

Примерно половину каждого года наши предки не ели фрукты, зеленые растения и (ибо невозможно было их прокормить в

течение зимы) больше, чем несколько голов крупного рогатого скота и свиней и несколько птиц) потребляли очень мало масло и свежее мясо, и мало было яиц, которые у них были. В начале каждого новая весна, большинство населения страдало, с большим или меньшим интенсивность, цинга (при недостатке витамина С) и пеллагра (при недостатке, в их рацион, комплекс Б). К душераздирающим соматическим симптомам этих заболеваний, были связаны не менее острые признаки психического дисбаланса 1 .

1. См. The Biology ofHuman Starvation (Биология человеческого голода), Автор А. Ключи (University of Minnesota Press, 1950) и недавние отчеты (1955) об исследовании о роли дефицита витаминов в психических заболеваниях, проведенной в Калифорнии Доктор Джордж Уотсон и его помощники.

Нервная система более уязвима, чем другие ткани организма. В следовательно, дефицит витаминов, как правило, влияет на состояние души прежде чем действовать, по крайней мере, показно, на кожу, кости, слизистые оболочки, мышцы и внутренности. Первым следствием неправильного питания является снижение эффективности мозга как инструмента биологического выживания. Недоедание в нем, как правило, преобладают тяги, депрессии, ипохондрия и чувство тоски. Быть также способен иметь видения, потому что, когда редукционный клапан-мозг-уменьшает его эффективность, много биологически бесполезного материала течет в сознательное, исходящее извне, от Всеведущего. Большая часть опыта, через который прошли древние провидцы они были ужасны. Чтобы использовать язык христианского богословия, Демон показал себя в его видения и его экстазы гораздо чаще, чем Бог. В эпоху в какие витамины были недостаточны и вера в Сатану была универсальной, разве это не было бы чтобы удивить. Психические расстройства, связанные с еще только начинающимися случаями пеллагра и цинга усугублялись страхом перед адом и убеждением, что злые силы были вездесущими. Это страдание было способно окрасить его собственные зловещие цвета провидческий материал, допущенный к сознанию через мозговой клапан, эффективность которого была нарушена из-за недоедания. Но, несмотря на из их забот о вечном наказании и их обездоленных болезнях аскеты

духовный менталитет они часто попадали на небеса в своих видениях и приходили даже иногда осознавая это божественное и

беспристрастное единство, в котором полюса противоположности примиряются. Казалось, не было достаточно высокой цены для одного мерцание блаженства, чтобы предвосхитить нечетное.

Умерщвление тела может вызвать не-количество психических симптомов может также открыть дверь в трансцендентный мир Существование, знание и блаженство. Вот почему, несмотря на их очевидные недостатки, почти все, кто стремился к духовной жизни, в прошлом, они проходили регулярные практики умерщвления тела.

Что касается витаминов, то каждая средневековая зима была долгой и невольной пост, и за ним следовали, по Великому посту, сорок дней добровольного воздержания. А Страстная неделя находила верующих прекрасно подготовленными, что касается биохимический баланс их организмов, к их огромным стимулам при взвешивании и радость, для удобного раскаяния совести и самопревосхождения отождествление с Воскресшим Христом. В этом катрене высочайшего религиозного волнения и от самого низкого потребления витаминов экстазы и видения были почти тривиальными. Е это то,что можно было ожидать.

Для созерцателей монастыря было несколько великих постов в год. И даже между постами его диета была крайне скудной. Следовательно, эти агонии депрессии и нерешительность, описываемая многими мистическими писателями; отсюда их ужасные искушения для отчаяние и самоубийство. Но это также было связано с “безвозмездной благодарностью” под форма небесных видений и фраз, пророческих интуиций, телепатического ” понимания духов”. И, наконец, его “вдохновенное созерцание”, его “темное понимание” из повсеместности нечетного.

Пост был не единственной формой физического умерщвления, которой пользовались первые претенденты на МИСТИКУ. Большинство из них бичевали себя латекс из кожи, полной узлов, или даже с проволокой. Это бичевание соответствовало боли большое хирургическое вмешательство без анестезии и его влияние на баланс химические вещества организма кающегося были значительными. В то время как мучения длились, железы выделяли большое количество гистамина и адреналина; и, когда раны они начинали гноиться (как это было со всеми до эпохи мыло), различные токсичные вещества, образующиеся при разложении белка, они проникали в кровоток. Но гистамин производит шок, и это действует на ум с интенсивностью никогда

не уступает своему действию на тело. Более того, Т большое количество адреналина может вызвать галлюцинации, и я некоторые продукты их разложение признано причиной симптомов, напоминающих шизофрения. Что касается токсинов в ранах, они дезорганизуют системы ферментативные регуляторы мозга, снижающие его эффективность как инструмент I предназначен для того, чтобы позволить человеку жить в мире, где только биологически способные могут выжить. Это может объяснить, почему раньше Cura d'Ars говорил, что, когда ему было дано не жалеть себя, Бог не отказывал ему ни в чем. В других слова, когда раскаяние, ужас к себе и страх перед адом освобождают адреналин, когда самоповреждение производит адреналин и гистамин, и когда раны заражение приводит к тому, что продукты распада белка включаются в ток кровообращения, эффективность мозга как редукционного клапана ухудшается и, при этом необычные аспекты всеведения (включая психические явления, видения и, если индивид философски и этически подготовлен к этому, мистические переживания) они перетекут в сознание подвижника.

Великий пост, как мы уже видели, следовал за длительным периодом поста непроизвольный. Аналогичным образом, эффекты самобичевания дополнялись, в то время из-за слишком большого непроизвольного поглощения расщепленного белка. Стоматология его не было, хирурги были палачами, антисептиков не было. Большинство люди, следовательно, должны вести всю свою жизнь с очагами инфекций; и эти очаги, хотя им больше не приписывают отцовство всех болезней, которые поражают тело, поэтому они не перестают рассматриваться как способные, безусловно, уменьшить эффективность мозга как редукционного клапана.

И какова будет мораль всего этого? Представители превосходной философии имеют отвечая на то, что изменения в химическом балансе организма могут создавать условия, благоприятные для дальновидного и мистического опыта, как одного, так и другого они могут представлять то — что провозглашается-то, что для тех, кто уже они, несомненно, представляют собой. Но это, конечно, является несущественность. К такому же выводу придут те, чья философия неправильно духовно. Они будут настаивать на том, что Бог есть дух, и поэтому ему следует поклоняться по духу. Таким образом, эксперимент, который химически обусловлен, не может иметь связи с божеством. Однако бывает, что так или

иначе все наши эксперименты химически обусловлены; и если мы представим, что некоторые они являются чисто духовными, только интеллектуальными или эстетическими, только потому, что мы никогда не занимаемся исследованием внутренней химической среды в случае ее происшествие. Более того, история доказана тем, что большинство созерцатели работал систематически, чтобы иметь возможность изменить химическое равновесие своего организма с целью создания внутренних условий, благоприятных для вдохновения мистика. Когда они не убивали себя до минимума с дефицитом сахара в кровь и недостаток витаминов, или жгутик, пока вы не опьянены через his-Тамин, от адреналина и продуктов распада белка, культивировал бессонницу и молиться долго, в неудобных позах, чтобы спровоцировать психофизиологические симптомы усталости. В перерывах эти подвижники пели псалмы тем самым увеличивая концентрацию углекислого газа в легких и в крови или, если они были восточными, они делали дыхательные упражнения, чтобы достичь того же результат. В настоящее время мы знаем, как уменьшить дефицит редукционного клапана с помощью средство прямого химического действия и без риска нанести серьезный вред организму психофизиологический.

Кто бы ни стремился к мистике и возвращался, в нынешнем состоянии наших знание, к длительному посту и насильственному самоповреждению было бы так глупо что касается ученика повара, который вел себя как китаец Чарльза Лэмба который, чтобы поджарить поросенка, поджег дом.

Зная, как вы на самом деле знаете (или, по крайней мере, можете знать, если хотите), какие из них биохимические условия трансцендентного опыта, стремящийся мистик может обратиться за технической помощью к специалистам по фармакологии, биохимии, физиологии, неврология, психология, психиатрия и парапсихология. И, по их туману, эксперты (если некоторые из них стремятся быть настоящим человеком науки и полноценным человеком) они должны обратиться из своих лабораторий к художнику, оракулу, провидцу, мистика-для всех, кто вступил в контакт с потусторонним миром и каждый по-своему знает, что делать с этим опытом.

АППЕНДИС III

Обман, вызывающий видения, и явления, которые к ним относятся они могут с гораздо большей справедливостью быть классифицированы как средства популярные развлечения, чем как изобразительное искусство. Пиротехника, церемониалы, театральные представления-это, по сути, дальновидное искусство. К сожалению, они также эфемерное искусство, прошлые шедевры которого дошли до нас только через отчеты. Больше ничего не осталось от всех римских триумфов, средневековых турниров, пантомим со времен Джеймса 1, длинной череды владений и коронаций, королевских свадеб и торжественные казни, канонизации и похороны пап. Лучшее, что можно было надеяться на такие пышности было то, что они могут продержаться еще немного, в памяти помощь.

Интересной особенностью этих искусств является их тесная связь зависимости с технологией того времени. Пример с фейерверками: когда-то они это были не что иное, как костры на открытом воздухе. (И я могу добавить, что даже сегодня хороший костер в темную ночь остается одним из самых очаровательных зрелищ и транспортная мощность. Видя ее, мы можем понять менталитет деревенщины мексиканец, который готовит к сжиганию пол гектара леса, чтобы посадить свой кукуруза, но она радует, если по счастливой случайности триста или четыреста гектаров пожирают в огромном, апокалиптическом огне.) Настоящая пиротехника началась (по крайней мере, в Европе, если не в Китае) с использованием горючих материалов в местах и морские бои. От войны она постепенно стала источником удовольствия. О Римская империя знал пиротехнические экспонаты, некоторые из которых даже в его упадок, они были чрезвычайно изысканными. Вот описание, сделанное Клавдием, спектакль, подготовленный Манлием Феодором в 399 году нашей эры:

Mobile ponderibus descendat pegma reductis inque chori speciem spargentes трудный flammas scaena rolei несколько, et fingat Mulciber orbis per tabulas impune vagos pictaeque citato ludant igne trabes, et non permissa morari fida per innocuas errent поджигает туррес.

Что, таким образом, переводится Платнауэром, с верностью языка, который уважает синтаксические экстравагантности оригинала:

“Пусть убирают противовесы, а передвижной кран опускается, опускается к высокой авансцене люди, которые, кружась с

художественным мастерством, распространяют называть. Пусть Вулкан выковывает огненные шары, чтобы они безобидно катились сквозь древесина. Пусть вспыхнет пламя, чтобы побаловать себя ложными факелами декораций, и что, в мирном огне, никогда не позволявшем затухать, пашите их между башнями, невредимый.”

После падения Рима пиротехника снова стала искусством исключительно военный. Его величайшим триумфом было изобретение Каллиника к 650 году с нашей эпохи, от знаменитого греческого огня — секретного оружия, которое позволяло мерцать Византийская империя держать себя так долго против своих врагов.

В эпоху Возрождения фейерверки вновь заняли свое место на поле популярные развлечения. С каждым новым прорывом в химии они становились все больше и больше. и красивее. К середине XIX века пиротехника достигла пика совершенства техника и стала способна перевозить большие толпы зрителей, которые на своем

сознательное государство были методистами, пузеистами, утилитаристами, учениками Милля или Маркса, от Ньюмана, Брэдло или Сэмюэля Смайлса до дальновидных антиподов разума любой. На площади Пьяцца деи Пополо, в Ранелаге и Хрустальном дворце каждые четыре или Четырнадцать июля подсознание людей было унесено Красной вспышкой стронция, Синь меди, зеленый цвет бария и желтый цвет натрия, к глубинам этого другого Мир, психологический эквивалент Австралии.

Пышность-это дальновидное искусство, которое использовалось с незапамятных времен, как политический инструмент. Роскошные одежды, которые носят короли, папы и их их свиты, как военные, так и церковные, имели довольно объективную цель

- произвести впечатление на низшие классы с живым чувством Величия над-человек своих хозяев. С помощью красивой одежды и торжественных церемоний де-факто господство превратилось в царствование не только де-юре, но даже де-юре божественный. Короны и диадемы; пестрые украшения, атлас, шелк и бархат; фаусты униформа и одежда; кресты и медали; рукояти мечей и посохи; перья на широких шляпах и их клерикальных эквивалентах; эти огромные вееры перья, которые делают любую

папскую аудиторию похожей на доску Atda

- все это умилостивительные уловки экстаза, предназначенные для преобразования гуманные джентльмены и дамы в героях, полубоги и Серафимы, обеспечивая таким образом, хорошая доза невинного удовольствия для всех, без различия: актеров и зритель.

В течение последних двухсот лет техника искусственного освещения он добился огромного прогресса, что в значительной степени способствовало успеху зрелищность и другое искусство, которое тесно связано с ней — зрелищность театральные.

Первый заметный прорыв был сделан в XVIII веке с заменой старые сальные свечи и валики, пропитанные воском спермацетовыми свечами. К этому за этим последовало изобретение арганового трубчатого фитиля, который вызывал сквозняк конвекция, как внутренняя, так и внешняя по отношению к пламени. Стеклянные дымоходы пришли вскоре после этого, что позволило, в первый раз в истории, сжигание нефти с яркое пламя без дыма. Угольный газ был использован впервые в просветлении в начале девятнадцатого века, а в 1825 году Томас Драммонд обнаружил практическое средство доведения извести до накаливания с помощью пламени окисляющий или осветительный газ. Тем временем стали использоваться зеркала параболические для концентрации света в узком Факеле. (Первый английский маяк, как это оборудованный он был построен в 1790 году.)

Влияние этих изобретений на пышность и театральные представления было глубокий. До этого гражданские и религиозные церемонии могли проходить только во время день (и были как солнечные, так и мрачные дни) или при свете дымных ламп и archotes или слабое мерцание ламп. Изобретения аргана и Драммонда газовое освещение, кальциевый свет и, сорок лет спустя, электричество, они позволили создать в непостижимом хаосе тьмы великолепные вселенные островные, где зарево металлов и самоцветов, роскошная люстра Бархатов и парча была доведена до максимума того, что мы могли бы назвать ее внутренней ценностью. Недавний пример древней пышности, поднятой на вершину своей очаровательной силы, благодаря просветлению двадцатого века это была Коронация королевы Елизаветы II. на записи кинематографическое событие было сохранено, чтобы enlevo из обширной аудитории, современный и будущий ритуал восторженного великолепия, который таким

образом был спасен от забвения, которому до этого были обречены такие торжества, и, таким образом,

сохраненный, он будет продолжать светиться с сверхъестественным блеском в свете отражателей.

В театре практикуются два совершенно разных искусства-человеческое искусство драма и дальновидное, нечеловеческое искусство зрелища. Элементы обоих могут объединить в одну развлекательную сессию-драма может быть остановлена (как это часто бывает в самых изысканных произведениях Шекспира) для позволить зрителям оценить tobleau vivant, где актеры остаются неподвижными или, если они двигаются, они делают это только не драматично, церемонно, как в торжественное шествие или танец. Но в данном случае нас интересует не драма, и скорее театральное зрелище, которое так же-только пышность, лишенная своего содержания политический или религиозный.

Во вторичном провидческом искусстве-гардеробе и сценическом ювелирном деле — наши предки были непревзойденными мастерами. И, несмотря на то, что им приходится довольствоваться с мышечной силой, чтобы привести в действие сценическое оборудование-производитель эффектов сегодняшние спецпредложения-не сильно отставали от нас в строительстве и управлении этого оборудования. В елизаветинских и ранних пантомимах Стюартов сошествия ангелов и демонов, поднимающихся из земли, были обычным явлением; то же самое было с апокалипсисами и самыми удивительными метаморфозами. На эти спектакли тратились огромные суммы. Спектакль “придворные гостиницы” пример, представленный Карлу I, стоил более двадцати тысяч фунтов стерлингов в время, когда покупательная способность фунта была в шесть-семь раз больше, чем сейчас.

Это вызвало этот саркастический комментарий Бена Джонсона: “плотницкие работы-это душа от фарса ” - чтобы отразить негодование, которое он получил, увидев, что Иниго Джонс за свой дизайн декораций он получил столько же, сколько и сам, что написал либретто. О возмущенный поэт, конечно, не осознавал, что фарс-это искусство и что дальновидный опыт-это то, что превосходит слова (или, в только в самых вдохновляющих словах Шекспира) и должно быть это вызвано непосредственным восприятием, без промежуточных стадий, вещей, которые

напоминают помощники что происходит в неизведанных антиподах вашего собственного сознания. Душа фарс никогда не мог, по самой природе вещей, быть либретто Джонсона; он имел быть столярным. Но даже эта не могла полностью ее сдержать. Когда дальновидный опыт приходит изнутри нас самих, он всегда наделен блеском сверхъестественное. Но у ранних сценаристов не было другого источника свет, кроме свечи. На близком расстоянии свеча может создавать самые удивительные эффекты света и тени. Восхитительные картины Рембрандта и Жоржа де Латура они воспроизводили предметы и людей, увиденных при свечах. К сожалению, свет подчиняется закону физика обратных квадратов расстояний и, следовательно, размещенная на расстоянии безопасность актеров и их эффектных легковоспламеняющихся одежд, свеча производит совершенно не впечатляющее освещение. Таким образом, на расстоянии трех метров потребуется сто лучшие восковые свечи для создания освещения, которое одна свеча создаст на тридцать сантиметр. С такими незначительными источниками света, конечно, театр может только представьте небольшую часть своих дальновидных возможностей. На самом деле эти они не были полностью поняты, если только после того, как он был перестал существовать в своем первоначальном виде. Это было только в XIX веке, когда технология, всегда в прогрессе, он мог оборудовать его с светом кальция и параболистическими зеркалами, которые представления достигли пика своей силы. Викторианский период был героическим веком из так называемых рождественских пантомим и фантастических шоу: ли няня, король павлины, Золотая ветвь, остров драгоценностей — даже их имена повторяли магию. Душа из этого очарования театра были живописные столярные изделия и гардероб; его жизненное дыхание, его scintilla animae был газовым и кальциевым освещением, и уже в последней четверти века

XIX-электричество. Впервые в истории театра пучки самых ярких сияние преобразило ткани фимдо, одежды и ложные драгоценности, сообщая им о силе переноса зрителей в тот Другой мир, который прячется за разумом каждого. И этот другой мир существует, каким бы совершенным он ни был приспособление ума к требованиям общественной жизни - даже Англии середины викторианской эпохи. Сегодня мы находимся в привилегированной ситуации, когда мы можем потратить полмиллиона лошадиных сил в ночном освещении мегаполиса и, несмотря на это, девальвация искусственного света, театральное

зрелище все еще сохраняет эту старую магию захватывающий. В форме балетов, ревю и музыкальных комедий душа фарса бессмертник. Лампы тысяч-ватт и параболические отражатели проектируют лучи претематурал свет одалживая всему касаясь красочному и важности также претернатуральные. Даже самые глупые шоу могут быть замечательными. Быть случай нового мира, к которому можно было бы обратиться, чтобы восстановить равновесие от Старого-от дальновидного искусства, слишком сильно восполняющего недостатки драмы. человеческий.

Изобретение Афанасия Кирхера-если оно действительно принадлежит ему — было вскоре сначала она была названа в честь волшебного фонаря, и поэтому ее стали называть везде, потому что такое название идеально подходило для устройства, чье сырьем был свет, и чей сложный продукт был красочным изображением, появляющимся из темноты. Чтобы сделать так, чтобы примитивный Волшебный фонарь мог взять себя еще еще больше волшебства, продолжатели Кирхера придумали несколько методов, чтобы дать жизнь и движение к проецируемому изображению. Таким образом, были хроматропные устройства, где они вращали в противоположных направлениях перед световым лучом два стеклянных диска красочный, производящий грубую, хотя и наводящую на размышления имитацию тех, изменяющиеся трехмерные формы, увиденные почти всеми, кто когда-либо имел видения-спонтанные или спровоцированные наркотиками, постами или эструбоскопическими лампами. Затем появились мимолетные образы, которые напомнили зрителю о метаморфозы, которые непрерывно обрабатываются в антиподах его сознания. Чтобы сделать когда одна сцена незаметно превращалась в другую, использовались две волшебные фонарики, проецирующие на экран совпадающие картинки. Каждый фонарь обладал затвор для того, чтобы интенсивность светового луча одного из них могла быть постепенно уменьшается, в то время как другой ИИ постепенно увеличивается. Дессе форма, изображение, проецируемое первым фонариком, было незаметно заменено второй, к восторгу и изумлению всех помощников. Еще одним трюком было мобильный фонарик, который проецировал свое изображение на полупрозрачный экран, напротив помощь. Когда фонарик находился рядом с экраном, проецируемое изображение было хорошо любимая. По мере того, как он отступал, этот ИИ постепенно увеличивался. Устройство благодаря автоматической локализации изображения всегда оставались четкими, каким бы ни было положение волшебного фонаря. Этому новому виду

иллюзий они дали свои изобретатели в 1802 году назвали фантасмагорию.

Все эти усовершенствования фонаря были современниками поэтов и художники эпохи Возрождения романтизма, и, возможно, проявили определенную влияние на них при выборе тем и способе их лечения. Королева Маб и Например, восстание против ислама наполнено мимолетными образами и фантасмагориями. Описания сцен и персонажей, интерьеров, ценных бумаг и световых эффектов, сделанные Китс, имеют интенсивный цвет изображений, проецируемых на белый холст, в темном зале. Пьесы Джона Мартина-Сатана и Белшазар, ад и Вавилон и Потоп - * они явно вдохновлены изображениями волшебных фонарей и рамками ярко освещенные прожекторами.

Реплика двадцатого века на зрелище волшебного фонаря-цветная пленка. Мы монументальные и очень дорогие зрелищные, душа фарса увековечена-иногда но в других также со вкусом или истинной склонностью к восхитительная фантазия. Более того, благодаря прогрессу технологий цветные документальные фильмы показали, что в умелых руках замечательная модальность новое популярное дальновидное искусство. Невероятно увеличенные цветы кактуса, где, в Конец Фильма драма пустыни Диснея, зритель чувствует погружение, являются извлеченные непосредственно из другого мира. И что сказать о шестидесятых видениях, найденных в лучших природных фильмах, из листвы, выпоротой ветрами; из текстуры скал и от песка; от теней и изумрудных огней на траве или среди камышей; от птиц, насекомые и млекопитающие живут под подлеском или на лесных деревьях? Имеется также волшебные пейзажи в грандиозном плане, которые очаровали мастеров гобелена мил-ЭМ-рама, средневековые художники садов и сцен охоты; по-несовершеннолетние, увеличенные и сфокусированные изолированно от животных и растений, которые также использовались дальневосточные художники исполняют одни из самых красивых своих картин.

И еще есть то, что мы могли бы назвать искаженным — странным документальным фильмом новая форма дальновидного, замечательного искусства, примером которой является фильм NYNY Фрэнсис Томпсон. В этом действительно странном и красивом фильме мы видим город Нова Йорк в самых причудливых формах: сфотографирован через призмы множителя

или отражается в выпуклости ложек, в колпаках автомобильных колес, в зеркалах сферические и параболические. В нем мы все еще можем узнавать дома и людей, фасады магазинов и квадратные автомобили, но все это как простые элементы этих форм анимированные геометрические фигуры, столь характерные для дальновидного опыта. Создание этого новое кинематографическое искусство, кажется, предвещает (слава Богу!) недействительность и смерть рядом с абстрактной живописью. Художники-абстракционисты говорили, что фотография красочно он сводил портрет и классический пейзаж к категории бесполезных абсурдов. И снаружи сомневаюсь, что это совершенно неверно. Цветная фотография просто записывает и он сохраняет в легко воспроизводимой форме сырье, с помощью которого художник портреты и пейзажист работают. Использованный как Томпсон сделал его, цветной фильм делает гораздо больше вещей, кроме регистрации и сохранения сырья искусства не-репрезентативный; фактически, он превращается в готовый продукт. Смотреть NYNY, я был удивлен, увидев, что практически каждый трюк изобретен стариками Мастера абстрактного искусства-и воспроизводится до тошноты академиками и маньеристы этой школы в течение последних сорока или около того лет-появились в живых, блестящий, очень привлекательный в эпизодах фильма Томпсона.

Наша способность проецировать мощные лучи света не только позволила нам создавать новые формы дальновидного искусства а также тост за одно из древнейших искусств - скульптура - с новым очарованием, которым она никогда не обладала. Я уже упоминал, мимоходом предыдущие, магические эффекты, созданные путем освещения древних памятников и работ от природы. Подобные эффекты могут быть достигнуты при освещении отражателями as скульптурные работы. Фузели нашел вдохновение для некоторых из своих лучших и самых пылающие живописные идеи, изучающие статуи Монте Кавалло в сумеречном свете или, что еще лучше, когда молнии освещали их в полной темноте. Мочь сегодня создать освещение, подобное освещению заката или молнии. Мочь осветите наши статуи под углом и с той интенсивностью, которую мы хотим. Учитывая это, скульптура смогла раскрыть нам новые выражения и неожиданные красоты. Посетите себя Лувр ночью, когда освещены греческие и египетские реликвии: найти-будут ли новые боги, нимфы и фараоны, когда придут отражатели, квадрант для другого, в освещении той же статуи, вы увидите целую семью

неизвестные Победы Самофракии.

Прошлое не является фиксированной и неизменной вещью. Их реалии будут заново открываемые с каждым поколением, их ценности подвергаются переоценке, их смыслам они получают новые определения в соответствии с тенденциями и проблемами того времени. Опираясь на одни и те же документы — библиографические, архитектурные и художественные —, каждая эпоха задумывает свое собственное Средневековье, Китай на свой вкус, Элладу запатентованный и с зарезервированными правами на воспроизведение.

В настоящее время благодаря недавнему прогрессу в технологии освещения, мы можем выйти за рамки наших предшественников. Мы не только переосмысливаем великие произведения скульптура, которую нам завещало прошлое, как нам удалось изменить внешний вид этих работ. Греческие статуи, как мы их видим — освещенные светом, который в прошлом она никогда не нависала над сушей или над морями, а затем фотографировалась в ряд больших-фрагментарных планов, под самыми абсурдными углами-они мало держат или никакого сходства с теми же статуями, которые видели искусствоведы и широкая публика в темных художественных галереях и трезвых гравюрах прошлого. Цель классический художник, к какому бы периоду он ни принадлежал, стремится к порядку в хаосе из опыта, чтобы представить рациональную и понятную картину реальности, в которой все детали должны быть четко видны и иметь правильные пропорции друг к другу, так что наблюдатель точно знает (или, если быть более точным, представьте, что он знает) что это такое. К нам этот идеал рационального упорядочения нас не привлекает. В результате, когда мы сталкиваемся с произведениями классического искусства, мы используем все средства для наших добейтесь, чтобы они выглядели так, как будто они не являются тем, кем они не являются, и тот, кто их создал, никогда не намеревался пусть будут. Работы, главная заслуга которой заключается в единстве концепции, мы выбираем один аспект, концентрируем на нем наши отражатели и, таким образом,, мы представляем его, исключая все другие аспекты, сознанию наблюдателя. Где контур кажется нам слишком непрерывным, слишком яркой резкости, мы его отменяем. , чередуя непроницаемые тени с пятнами ослепительного света. Когда мы фотографируем фигуру или эскул-туральную группу, используем фотокамеру для выделить часть, которая затем будет

представлена в загадочной независимости от целого. Эти приемы позволяют нам отвести классицизм к чистейшему классическому произведению. Подвергнуть к лечению светом и изображенному умелым фотографом, Фидий превращается в пьеса готического экспрессиониса; Пракситель, в увлекательной сюрреалистической работе, заготавливается в глубинах подсознания. Это может быть прискорбно, из с точки зрения истории искусства, но это, по общему признанию, невероятно весело.

АППЕНДИС IV

Художник на службе у герцога Лотарингии - его родной ком — и, после короля Франции Жорж де Латур считался при жизни — и со всеми справедливость-великий художник. С восшествием на престол Людовика XIV и рождением — лучше сказать, преднамеренный культ-нового Версальского искусства, аристократического в его мотивы и, как правило, классический стиль, репутация этого человека, или-trora знаменитый, он пережил затмение настолько полное, что два поколения спустя даже его имя кануло в Лету; и сохранившиеся ему произведения стали приписываться братьям Ле Наин, Хонтхорсту, Сурбарану, Мурило и даже Веласкесу. А повторное открытие Латура началось в 1915 году и было практически завершено в 1934, когда Лувр организовал замечательную выставку художников реальности. Неизвестный почти триста лет, один из величайших французских художников вернулся из могила, чтобы вернуть свои права.

Жорж де Латур был одним из тех экстравертных провидцев, чье искусство отражает верно определенные аспекты внешнего мира, но он делает это в таком состоянии преображения что мельчайшая деталь приобретает внутреннее значение, проявление Абсолюта. Большинство его композиций наоборот о фигурах, освещенных простой свечой. Одна свеча, как продемонстрировали Караваджо и испанцы, может уступить место более впечатляющие театральные эффекты. Но Латур не интересовался сценическими эффектами. В его произведениях нет ничего драматического, ничего трагического, жалкого или гротескного; нет представление действий и обращение к эмоциям, которые заставляют людей искать театр, чтобы они возбудились, а затем успокоились. Его персонажи по существу статические. Они никогда ничего не делают; они просто там,

точно так же что каменный Фараон, кхмерский Бодхисаттва или один из плоскостопных ангелов Пьеро. И уникальная свеча используется в каждом случае, чтобы подчеркнуть этот интенсивный, хотя классическое, безличное присутствие. Отображение обычных объектов, подвергнутых освещению необычно, Латур заставлял пламя подчеркивать живую тайну и необъяснимое удивительно, что это просто существование. В его картинах так мало религиозности, что в во многих случаях невозможно сделать вывод, есть ли перед нами иллюстрация из Библии или исследование моделей при свечах. Будет ли Рождество, существующее в Ренне, или просто Рождество? И который будет представлять портрет спящего старца, под взгляд молодой девушки? Серия Святого Петра, которую посетил в тюрьме Ангел-Освободитель: 1 это невозможно сказать это. Но хотя искусство Латура почти полностью лишено по своей религиозности он по-прежнему религиозен в силу того, что он раскрывает, с никогда не возбужденная интенсивность Божественной вездесущности.

Следует добавить, что как личность этот великий интерпретатор имманентности Бог, кажется, был гордым, грубым, безоговорочно высокомерным и скупым; что приходите еще раз продемонстрировать, что вы никогда не сможете найти совпадение идеально подходит между творчеством художника и его характером.

АППЕНДИС V

Вюйяр рисовал грандиозные планы, которые в основном состояли из интерьеры, хотя иногда он также воспроизводил сады. В нескольких работах, он стремился объединить магию близости с чарами расстояния, представляющий угол комнаты, на стене которой висела картина, ваша или чужая, содержащий пейзаж с далекими деревьями, холмами и небом. Это был один возможность получить максимальный эффект от обоих миров — телескопического и микроскопический-с одним ударом зрения.

В остальном я могу вспомнить только небольшое количество пейзажей в большом-Moderna, нарисованные современными европейскими художниками. Там странная Роща Ван Гога, в Метрополитен Нью-Йорка; чудесный валез в парке Хелмингем, из

Констебль, в Национальной галерее британского искусства; плохая картина Милле-Офелии - который, несмотря ни на что, очарователен благодаря своему замысловатому виду листвы очень близко. И я до сих пор помню Делакруа, который я видел с первого взгляда, давным-давно, на выставке ломбардов-бревно, с его рамарией, покрытой цветами, изображено очень близко. И, конечно, должны быть другие работы, но если другие я видел, то уже я не помню.

Как бы то ни было, на Западе нет ничего, что могло бы сравниться с репродукциями в большом количестве-план природы, созданный китайскими и японскими художниками: ветка сливового дерева в цвету; пальма бамбукового стебля с листьями; птички среди кустов, видно на расстоянии чуть более одной руки; цветы, листва, птицы, рыбы и мелкие млекопитающие всех видов. Каждое маленькое живое существо представлено как центр своей вселенной, как причина бытия-согласно его собственной концепции-для сотворение мира сего и всего, что в нем есть; каждый из них бросает свой собственный Декларация независимости от человеческого империализма и по иронии судьбы высмеивает наши абсурдные претензии на установление чисто человеческих норм поведения космические процессы; каждый повторяет себе возвышенную тавтологию: я такой, какой я есть.

Природа на средних расстояниях знакома нам - настолько знакома, что мы убеждены, что мы действительно знаем о нем все. Уже если мы проверим это очень близко, на большом расстоянии или под необычным углом, она это будет выглядеть тревожно странно, красоты, которая превосходит всю нашу силу понимания. Пейзажи в большом плане, написанные китайскими художниками и японцы, это еще много демонстраций того, что Сансара и нирвана-одно целое то же самое и то, что Абсолют проявляется во всем, что существует. Эти большие метафизические и даже прагматические истины были представлены художниками крайности Восток, последователи доктрины Дзен, своеобразно. Все близлежащие объекты они воспроизводились поодиночке на бумаге или девственном шелке. Таким образом, изолированные, эти мимолетные фигуры приобретают своего рода абсолютную индивидуальность. Западные художники они использовали этот же прием при рисовании священных фигур, портретов, а иногда и, природные мотивы на расстоянии. Мельница Рембрандта и кипарисы Ван Гога примеры отдаленных ландшафтов, в которых удалось максимально раскрыть объект, изолирующий его от других.

Магическая сила стольких офортов, рисунков и картины Гойи можно отнести к тому факту, что его композиции фигурируют, почти всегда из нескольких силуэтов или даже одного, выделяющегося на фоне пустота. Эти силуэтные формы обладают дальновидным даром внутренней ценности,

то, что изоляция от других объектов расширяется до сверхъестественной интенсивности.

В природе, как и в произведениях искусства, изоляция объекта имеет тенденцию к дать ему абсолютную ценность, чтобы придать ему значение больше, чем символ, который можно отождествить с существованием.

But theres a tree-ofinany, one-A singlefield which I have loohed upon: Both of them speak of something that is gone. *

То, что Вордсворт больше не мог видеть, было “дальновидным сиянием”. Этот блеск, я хорошо помню, и эта внутренняя важность была характеристиками из одинокого дуба, который можно было увидеть из поезда, между Редингом и Оксфордом, vicejando на вершине небольшого холма, среди огромного пространства возделываемой земли, и что он проецировался на бледное северное небо.

* Но есть дерево-среди многих одно-l одно поле, в которое я бросил взгляд: / они оба говорят о чем-то, что ушло.

Эффекты изоляции в сочетании с эффектами близости могут быть изученные, во всей своей магической уникальности, в необыкновенной картине японский художник XVII века, который также был известным фехтовальщиком своего времени и ученый доктрины дзэн. Представляет тетеревятника*, сидящего на конце ветки сухой, “ожидание неизвестно что”, но в самом высоком напряженном состоянии. Выше, ниже и в птичьем фолианте ничего. Птица выходит из пустоты, из этого состояния вечно невыразимо и лишено, так что, тем не менее, это сама субстанция множественного, конкретный и преходящий Вселенная. Эта птица на своей сухой ветке-это то, что больше всего подойди к холодному Дрозду Харди. Но пока викторианский Дрозд настаивает на нас желая научить чему-либо, Дальневосточный тетеревятник довольствуется только существовать, в существовании, интенсивно и полностью, там.

АППЕНДИС VI

Многие шизофреники проводят большую часть своего времени в место, которое есть не Земля, не небо и не ад, а серый мир и умброзо, населенный призраками и химерами. Что происходит с этими носителями психозы происходит также, хотя и в гораздо меньшей степени, с некоторыми невротиками поражены для более легкой формы психического заболевания. Недавно был сделан вывод о что можно создать это мучительное состояние жизни, управляя пациентом небольшая доза одного из производных адреналина. Для живых, врата небес, из ада и Чистилища открываются, а не с помощью тяжелых двойных металлических ключей, в крови присутствует ряд химических веществ и отсутствие многих других. Мир теней, населенный некоторыми шизофрениками и невротики, он близко напоминает мир мертвых, как это описано в некоторых из древнейшие религии. Так же, как печальные души Шеола и Аида, что мы Гомер говорит, что эти психически неуравновешенные существа потеряли связь с с языком и со своими собратьями. У них нет интереса к жизни, и они находят себя обречены на бесполезность, одиночество и молчание, нарушенное только их собственными ворчание и невнятные звуки.

История эволюции эсхатологии демонстрирует подлинный прогресс — прогресс, который можно описать в богословских терминах как прохождение Аида на небеса; с химической точки зрения, например, замена мескалином или лизергиновой кислотой адренолутина и, с психологической точки зрения, как прохождение кататонии и ощущения нереальности к ощущению возвышенной реальности в опыте и, наконец, к самому мистическому опыту.

АППЕНДИС VII

Жерико был негативным провидцем, потому что, хотя его искусство было почти одержимо верная природе, эта верность была оказана природе которая была волшебным образом преобразована в худшую сторону, как в ее восприятии, так и в воспроизводство того, что было изъято. “Я начинаю с рисования

женщины”, - сказал он. вместо этого- “но она всегда заканчивается, как лев”. На самом деле его картины закончились, чаще всего из-за того, что они оказываются чем-то менее приятным, чем Лев - труп или даже демон. Его шедевр, потрясающий Плот Медузы, он был нарисован не с живыми существами, а с болезненными телами и в разложение-части трупов, предоставленные ему учениками медицина, болезненный бюст и желтоватое лицо друга, который страдал от заболевание печени. Те самые волны, на которых качался плот, даже небо, они цвета трупа. Как будто вся вселенная превратилась в морг.

И еще есть его демонические картины: дерби, как видно вскоре, оспаривается в аду, отделяясь от конца, который горит в мрачном огне ” тьмы видный”. Лошадь, напуганная молнией, выставленная в Национальной галерее, является откровение, в кратком украденном моменте к маршу времени, странности зловещая особенность, даже адская, таящаяся в самых привычных нам вещах. В Метрополитен - музее есть детский портрет. И какой ребенок! В ее пальто ярко сияющий, малыш помнит то, что Бодлер называл ” одним Сатана в кнопке”, un Satan en herbe. И обнаженный мужчина, тоже в Метрополитен, это не что иное, как уже взрослый” Сатана в пуговицах”.

Из того, что о нем сообщают его друзья, видно, что Жерико обычно видел мир, окружавший его, как череда дальновидных апокалипсисов. Огненная лошадь из одной из своих старейших работ-Officier de chasseurs-он однажды утром переворачивает ее на дороге в Сен-Клу, среди пыли, которую освещали солнечные лучи, вставать и горбиться между бельевыми веревками в автобусе. Персонажи плота Медузы были написаны непосредственно, один за другим, на девственном холсте. Не было никаких предварительный проект собрания состава, ни постепенное установление гармония тонов и оттенков. Каждое конкретное откровение-тела в разложение пациента с картиной прогрессирующего гепатита-ИА полностью воспроизведен в том виде, в каком он был замечен и искусно задуман. Чудом гениально, каждый последующий апокалипсис волшебным образом адаптировался к композиции гармоничный, который существовал только тогда, когда первое страшное видение было перенесено в холст, в воображении художника.

АППЕНДИС VIII

В SARTOR RESARTUS Карлайл оставил то, что его биограф психосоматический доктор Джеймс Холлидей называет своего мистера Карлайла моим пациентом [Карлайл, мой клиент] из ” удивительного описания психотического состояния ума, в довольно депрессивно, но что-то шизофреническое”.

“Мужчины и женщины, которые меня окружали, - пишет Карлайл, - хотя и говорят со мной они были не более чем фигурами; я почти забыл, что они были они были не просто автоматами. Дружба была просто невероятной традицией. Узел среди его переполненных улиц и его собраний я шел одиноко; я был храбрым какой тигр в джунглях, хотя это было мое собственное сердце, а не сердце следующего, которое я пожирать […] Для меня Вселенная была совершенно лишена жизни, цели, волеизъявление, даже враждебность; это был не что иное, как огромный паровой двигатель и совершенно непродуктивно, продвигаясь вперед в своем полном безразличии, чтобы сокрушить меня., член за членом […] Совершенно безнадежно, и я не чувствовал страха определяется, будь то человек или демо. И все же, как ни странно, жил в непрерывном, неопределенном и томном страхе; дрожащий, малодушный, неосознанно опасающийся почему; казалось, что все вещи-с неба и с Земли-причинят мне вред; это было как будто небо и земля-не что иное, как огромные челюсти монстра пожиратель, в то время как я в агонии ожидал, что они будут раздавлены”.

Рене и боготворитель героев сделали, как выясняется, описания переживаний похожий. Бесконечность была воспринята обоими, но в форме системы, “огромный паровой двигатель”. Тем не менее для обоих все было важно, но отрицательно важно, чтобы каждое событие было совершенно дезориентирующим; каждый объект, чрезвычайно нереальный; каждый человек, беременный волей, считался механическая кукла, гротескно движущаяся к работе и отвлечениям, любящая, ненавидеть, думать, быть красноречивым, героическим, святым или что-то еще, что можно пожелать, mesrno потому что автоматы ничего не стоят, если они не универсальны.

Олдос Хаксли

ДВЕРИ ВОСПРИЯТИЯ Е

РАЙ И АД

перевод: Освальдо де Араужо Соуза предисловие: Мануэль да Коста Пинто

Copyright © 1954, 1956 by Laura Huxley Авторское право на перевод © by издательство Глобус С. А.

Все права защищены. Никакая часть этого издания не может быть использована или воспроизводится-в любой среде или форме, будь то механическая или электронная, фотокопия, гравировка и т. д. - ни соответствующий или запас в системе банков данных, без явного разрешения издателя.

Оригинальное название:

The Doors of Perception Heaven and Hell

Подготовка: Кармем С. Да Коста обзор: Элиан де Абреу Матурано Санторо Обложка: inc. редакционный дизайн

Фото на обложке: Getty Images / пол и Линдамари Амброуз фото Олдоса Fhixley: Corbis Images

Федерация: 1957 - 15 *перепечатка: 2001 2* пересмотренное издание: 2002

Международные данные каталогизации в публикации (CIP) (бразильская палата Книга, SP, Бразилия)

Хаксли, Олдос, 1894-1963 Гг.

Врата восприятия: Рай и ад / Олдос Хаксли; перевод Освальдо Араужо Соуза. - Сан-Паулу: Глобо, 2002.

Оригинальное название: The Doors of Perception, and Heaven and Hell ISBN 85-250-

3546-7

1. Галлюциногены 2. Мескалин 3. Пейот 4. Видения I. Название 02-2901 CDD-615.7883

индексы для систематического каталога:

1. Галлюциногены: Фармакодинамика: 615.7883

2. Галлюциногенные препараты: Фармакодинамика 615.7883
Права на издание на португальском языке для Бразилии, приобретено издательством Globo S. A.

AB. Jaguaré, 1485 - 05346-902-Сан-Паулу-SP

Тел: 11 3362-2000-e-mail: atendimento@edglobo.com.br

www.globolivros.com.br